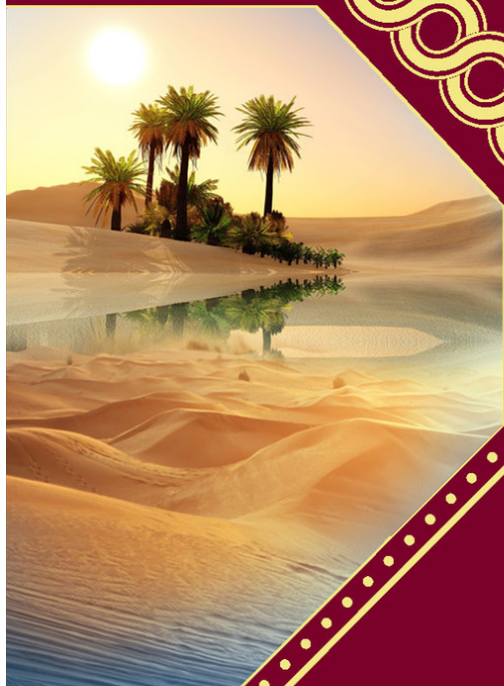

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ IV

ЗОЛОТОЙ
ФОНД ЭЗОТЕРИКИ

Золотой фонд эзотерики

Конкордия Антарова

Две жизни. Часть 4

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Часть 4 / К. Е. Антарова — «Эксмо»,
1993 — (Золотой фонд эзотерики)

ISBN 978-5-04-095850-4

Этот роман появился на свет необычным способом. Его автор – прославленная оперная певица К. Е. Антарова. Она не столько писала, сколько записывала текст, телепатически передаваемый ей последователем Великих Учителей Востока с иного плана бытия. В этом романе есть все – захватывающий сюжет, хитросплетения прошлых перевоплощений и кармических связей между людьми, отношение к жизни и смерти, любви, дружбе, интриги, черные маги, погони и преследования. Воздействие этой книги на сознание читателей поистине удивительно. Последняя, четвёртая часть романа – это настоящая мистерия в прозе. После многих приключений главные герои оказываются в тайной лаборатории Белого Братства. Там под руководством таинственных духовных Владык они приобщаются к сокровенным знаниям, доступным лишь посвящённым ученикам Высших Адептов. Дальнейший путь ведёт их вновь в широкий мир, к людям, чтобы принести им полученные от Учителей знания.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095850-4

© Антарова К. Е., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Конкордия Евгеньевна Антарова

Две жизни. Часть 4

© Миланова А., комментарии, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Отъезд из оазиса Дартана. Встреча в пустыне. Дальняя община

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас – как мог и умел – посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали Иллофиллион и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз – был ли то убогий карлик или одарённый, а может быть, даже гениальный человек – все начинали эту новую жизнь с печали, слёз и тоски. И я ещё ни разу не видел у человека такой духовной мощи, чтобы он отправлялся в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришёл *его* момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и... впервые закралось в мою душу сомнение, сумел ли брат Николай начать свою новую жизнь с радости...

– Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, – весело сказал мне Иллофиллион, возвращая меня к настоящему. – Тебе не надо искать ответ на вопрос о том, как протекают жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в *своём* движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию, причём не в арифметической, а в геометрической прогрессии. И первое, что ты для этой цели можешь сделать, – помоги Игорю собрать все вещи Наталии Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади её с Зейхедом на мехари и оставайся, вместе с Игорю, в роли рыцаря-охранника при нашей «молниеносной» даме всё время путешествия. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы – сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты *так же* должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, – прибавил Иллофиллион, ласково потрепав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилён деликатностью и любовью Иллофиллиона, умевшего всегда и всё понять и сделать лёгкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой и стать для неё в пути рыцарем-стражем, во мне пронеслось нечто вроде протеста и даже возмущения, а также чувства горечи от расставания с Иллофиллионом – точно я был недоволен, что кто-то другой займёт в пути моё место рядом с моим дорогим наставником. И всё это сразу же схлынуло, стоило лишь ему вызвать в моей памяти ту Наталию Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтён до дна, но и прошён до конца, и радостно бросился к Игорю звать его на новое дело. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали. «Неужели это закон для всех?» – думал я, собирая в плетёную корзинку вещи Наталии Владимировны и поражаясь тому, какое количество их она набрала с собой. И чего тут только не было! И кружевные косынки, которые она обычно носила на своих непокорных волосах, и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни, и книги, и пряники, и

финики. Дойдя до последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

– Ну, это вы делаете совсем не так, – сказала мне старшая, вываливая на высокий каменный стол из корзинки всё, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж корабейника. – Сейчас мы разложим вам всё по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этого сплетённые мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игорю, которого они очень сердечно приветствовали.

– Теперь пойдёте, вас ждёт у нас завтрак, – сказала старшая.

– Не сомневайтесь, – прибавила младшая, заметив моё колебание, – доктор Иллофиллион и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать стихи великих поэтов.

– Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, – перебила её старшая. – Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдёте же, а то кофе остынет, – улыбнулась она нам.

Поблагодарив за приглашение, мы с Игорю посмотрели на свои запylённые руки и одежды. Дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эту. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в близне одежд.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игорю с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я же следовал мыслями за профессором...

Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда я мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни её отделёнными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей Вселенной, с Богом; там я пел со всем, меня окружающим, песнь торжествующей Любви... Здесь я видел отделённое бедное сердце, не имевшее ещё сил осознать себя частицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел ещё в человеке частицы Единого, но воспринимал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?..

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая весёлого смеха, сказала мне:

– Ну и пожалела бы я тех, кого бы вам поручили в пустыне, Лёвушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, уносясь в ваших мечтаниях, предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

– Это очень грустно, дорогая Наталия Владимировна, что именно вам дал Иллофиллион такого немудрящего рыцаря, как я, в качестве охранника в пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить своё усердие, – ответил я, впервые ничуть не смущаясь саркастическим выражением её глаз – электрических колёс, которыми она меня пронзала, и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

– Я так счастлива, Лёвушка, Иллофиллион сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошёл к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову вверх.

– Мой милый гость, я не так давно получил новые книги от моего друга, сэра Уоми, и прочитал ваш рассказ. Я едва поверил, когда Иллофиллион сказал мне, что автор – юноша, почти мальчик. Если бы вы даже много раз были рассеянны по отношению к внешним вещам, то та глубина, в которую вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш юный возраст, говорит одно: вы идёте вожаком и для вас нет меры обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во Вселенную такую цельность устремления, какой обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня – теперь совершенно сконфуженного – рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

– Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаём себя побеждёнными, если противник превзошёл нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одарённости, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетённых из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что всё это – хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма и цвет хлебцев то напоминали картошку, то походили на морковь. Я не знал, что к чему подано, смотрел на все корзиночки сразу и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришёл мне на помощь, говоря:

– Нам приходится приспосабливаться к ежедневным потребностям, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда делаются с подмесом муки из плодов хорошо растущих у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком белый для глаз европейцев. Не было ещё ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над его видом, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую маслёнку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту этих вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, тёмная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце её сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял жёлтый бриллиант. Я подумал, что клафт¹ на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой и в нём Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня, и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он смотрел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

– Нет, – сказал он мне, улыбаясь. – Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, тёмный, был бы особенно эффектен.

¹ Клафт, или немес – головной убор египетских фараонов; один из символов их царской власти. – Прим. ред.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку Иллофиллиона и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором разных мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

– Опять проштрафился.

– Нисколько, – ответил мне он. – Но надо активнее кушать, так как время не ждёт, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить меня досыта. Но, зная наставление Иллофиллиона перед отправлением в путешествие – не есть много, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал Иллофиллион и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что в оазисе оставалась только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушёл вперёд, руководимый Никито. Я был очень удивлён и подумал, как же совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня всё лежала в постели.

– Не беспокойся о тех, кого я тебе *не* поручал, но будь собран и *до конца* бдителен с теми, кого я тебе *поручил* и от обязательной заботы о ком ещё тебя не освободил, Лёвушка, – сказал мне Иллофиллион. – Старушка благополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, – и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошёл к ней, подзвав Игоро, и мы втроём с большим трудом усадили её в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с неё ничего не спадало. Пот катился градом со всех нас, и всё же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы укутать её плащом и зашнуровать его как следует, так как она спорила с нами и сбрасывала с себя всё, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие моё воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло *мне*, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал одежками грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Ещё и ещё раз я понял, сколь многому я должен ещё учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто *личный*, а не *действенная сила*. Причём сила такая, которая вбирает в *себя* эманации раздражения встречного и гасит их, как глухая крышка, плотно закрывающая горшок с горящими углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние Иллофиллиона и других моих высоких друзей так освобождает людей и даёт им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишённое всякой мысли о себе – этой назойливой требовательности собственного «я», – вливает энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что ответственен за то, как прошла встреча с человеком и какие чувства в нём пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, на которой находился я, и тем величием Света, в котором жил Иллофиллион. Я снова вздохнул и услышал нежный голос Иллофиллиона:

– Мой мальчик, привыкни делать *каждое* текущее дело как самое *важное*. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто находится вокруг тебя. Иди, простись с хозяином. Я займу твоё место рыцаря на это время подле Наталии Владимировны.

Иллофиллион подошёл совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игоро пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушёл. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нём, но... вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей...

Когда я подошёл к Рассулу и, кланяясь, поблагодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз мне в глаза, сказал:

– Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперёд, что встреча с вами даёт мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, – показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. – В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили от него меня. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своём долге вам, но в течение многих веков не имел возможности возвратить вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите её от меня. Редко встречаются в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий.

Эта же вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Всё, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, – сохраните до конца ту цельность верности, в какой вы сейчас живёте. И великая Жизнь поддержит вас – вожака человечества – в том месте, к которому *она* теперь подвела вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает таящиеся в человеке силы до высоты совершенства, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, уже теперь горящий костром, должен принять форму сферы, чтобы стать гармоничным путём для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе!

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причём само солнце представлял большой жёлтый алмаз и такие же камешки сверкали в глазах сфинксов.

Я был потрясён его словами, восхищён подарком и в то же время огорчён: опять у меня ничего не было, что бы я мог подарить любезному хозяину в ответ на его дар. Он прочёл мою мысль и сказал:

– Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, – ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне преподнести. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мою радость быть ему полезным он продолжал:

– В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что *не их* собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их *самих* отъединяться от своих близких, но что это окружение *не* даёт им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Таковы и наши строптивцы, которые сейчас живут в дальней Общине; объехавшие чуть ли не весь мир, они нигде не нашли себе покоя. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы *можно* было послать им весть, надо, чтобы *вестник* был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только весть, переданная через *такого* вестника, не спровоцирует нового бунта и нового пароксизма отрицания в душах этих несчастных. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

– Вы слишком хорошо читаете в моём сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, – ответил я. – Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил её в красивый мешочек, сплетённый как циновка, и подал мне, говоря:

– Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах *тех*, милосердие и дары *которых* он вообще несёт в серые дни земной жизни. Но важно, чтобы его *собственная* активная сила доброты *жила* и, действуя в гармонии с *их* любовью, сумела *внести* мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока будет совершаться передача вести. Гонец должен найти в *себе* то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянной раздражительности, и ваша верность помогла вам взойти на ступень неизменной доброты. Ваш *новый* путь бдительного внимания к каждой *встрече* даёт вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик *может* продвигаться в *высоту* тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как *действенной* силы, помогающей встречному освободиться от подавляющих его страстей.

По внешности, по мнению людей недалёких и нечутких, ученик может обладать большим темпераментом, чем *им* бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни вам придётся столкнуться с этим. Но на суд людей вы никогда не обращайте внимания. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о вас по *действию* вашего сердца, культуру которого *может видеть* лишь тот, чьё сердце бьётся в ритме Вселенной. Таких сердец на земле не так много, и отсюда идёт некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо решительнее убирать *внутренние* перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение *силу* энергии *Тех*, *Кто* ведёт вас, никогда не давая вам чувствовать огромной пропасти между *Их* и вашим духовным миром.

Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала². Научитесь вводить в *действие* в каждой встрече с ними энергию вашего высокого друга Флорентийца как *такт* и *обаяние*. И только тогда передайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чём вас не предупредил, а просто велел вам передать их его адресатам, неся *Его* чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы ещё не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. *Его* освобождённая Любовь несёт всем такую *непобедимую* силу, что рука, подающая Его весть, может быть *только чиста*. Сила Франциска, его Радость сокрушают всё условное в людях сами по себе, не нуждаясь в *содействии* гонца. Если гонец может передать *Его* весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но всё же несло встречным себялюбие, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, для которых он передал мне письма.

Я был глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу Франциска, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока я буду в дальней Общине.

² *Астрал* – в данном случае – астральное, или эмоционально-чувственное, начало человека, один из структурных принципов его природы. Его носителем в структуре многомерного организма человека является астральное тело. – Прим. ред.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он пережил и ещё переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он даёт наставления относительно какой-то театральной пьесы.

Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, сразу же, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он с беспокойством сказал:

– Неужели я опоздал и задержал вас, Лёвушка? И вы один ждёте меня здесь?

– Не беспокойтесь, – ответил ему за меня Дартан. – Учитель Иллофиллион распорядился дать вам время осмотреть наш театр и продекламировать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушёл вперёд, а Иллофиллион по обыкновению не потерял ни одной минуты времени. Я же приношу вам мою благодарность за то, что вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в занятиях искусством. Конечно, ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но... одно дело понять, а другое дело – суметь. На вашем языке, как вы сказали мне вчера, знать – значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется вам слишком низкой для вашего гения.

– Я опускаю ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни, не будучи настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что вы не видите, как глубоко я поражён достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссёр, мой ученик Игоро, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга, Учителя Иллофиллиона, за которым мы сейчас следуем. Но если он разрешит нам, то на обратном пути мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, на сколько сам Учитель Иллофиллион найдёт нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что Иллофиллион и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с Иллофиллионом, растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

– Не волнуйтесь, друг, – ласково сказал Дартан. – Иллофиллион распорядился, чтобы я помог вам догнать его. Я велел оседлать вам моего, особенно быстроходного мехари и сам доведу вас до Иллофиллиона. Не пройдёт и часа, как вы будете с Иллофиллионом, а я возвращусь обратно. Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несёт на себе, он верностью своей будет стоек и твёрд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесёт вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мёртвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощание прочтите ещё что-нибудь вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведённого ему огромного мехари, Ясса набросил ему белый плащ – и я увидел ожившей картину Беаты. Лицо артиста сияло сейчас таким же блеском энтузиазма, каким она изобразила его на своём полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание римского вождя с народом перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что меня вернули к действительности только последние слова: «Римляне, вернусь ли я, или весть о гибели моей дойдёт до вас – помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству, будет принадлежать вся

слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоёвывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам».

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной вырос образ Рима, я забыл, кто я, и что я только «Лёвушка – лови ворон»; я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю... О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?!

Ясса тормозил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом пришёл в себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее Бронского и Дартана, и подошёл к своему мехари, рядом с Андреевой.

Я приготовился выслушать её недовольный выговор и был крайне поражён, встретившись с её огромными глазами, в которых ещё сверкали слёзы и выражение которых было кротким, милённым, точно ей было пять лет.

– Понимаю вас, Лёвушка, – ласково сказала она мне. – Как часто в жизни я понимала своё ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действенному самообладанию. Когда Иллофиллион уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мёртвые при обычном чтении, ожили. Они разрезали на мне верёвки, сотканые моими же страстями, и помогли мне раскрыть крылья – единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперёд: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталия Владимировна, но я понял, что пламя гениальности Станислава освободило в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Ещё раз я поразился тому, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого до того момента, когда борьба в самом себе подведёт сознание к той степени гармонии, при которой в сердце человека может снизойти озарение.

Мы двинулись в путь не одни. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадках арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с Иллофиллионом.

Мне было забавно наблюдать, как мчались лёгкие лошадки, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари, как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой.

Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал усталости и немало удивлялся, что всегда весёлая и остроумная в каждом обществе Наталия Владимировна была на этот раз очень серьёзна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трёх часов. Я уже начал было уставать и чувствовать жажду, но тут с нескольких сторон сразу раздались возгласы: «Дедушка!»

Я положительно не видел ничего такого, что можно было бы принять за дедушку, особенно учитывая рост великана. Я видел лишь один однородно блестящий песок. Но ехавшая возле меня дама указала мне на горизонте маленькое облачко пыли, которого без её указания я бы и не заметил. Я отнёсся с недоверием к её дальновзоркости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося всё больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула.

Он сказал, что в получасе езды Иллофиллион ждёт нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе, и после этого ещё раз попрощался с нами. Послав благословение нашему пути, Дартан, окружённый своей семьёй, продолжил свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединились с Иллофиллионом и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попав сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что всё, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на своё дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев Иллофиллиона, разговаривавшего с кем-то, я подошёл и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно, вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чём-то стараются оправдаться перед Иллофиллионом. Но затем я понял, что старики дают Иллофиллиону отчёт в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

– Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого, что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы всё старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему – и тогда оставаться нищим кочевым племенем, – или осесть в оазисе, в той его части, которую отвёл для вас Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод, и тогда вы стали бы зажиточным племенем. Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что всё молодое и лучшее у вас вымирает, потому что *вы* не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с её неудачами преследует вас. Вы утверждаете, что ваше новое поколение растёт злым, не повинуется вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что *вы* мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем.

Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать одно сырьё, вместо того чтобы обрабатывать кость и делать из неё прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я ещё раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я разговаривал с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его члены умеют хранить в своем сердце главное условие для победы: *мужество*. Вы вялы, и мысль, которая пробуждается у вашего молодого поколения, не находит пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают её к ссорам и разврату.

Вы говорили мне, что поняли необходимость культуры для вашего племени. Но всё это были одни слова, а реальной заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что небеса, молиться которым вы учите своих детей, пошлют вам помощь, а вы будете, ожидая её, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ – действуйте, как я вам указал, и запомните: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, потратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что не можете отъединяться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не послушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребёт вас, так как вы стали слишком малочисленны, чтобы защититься от неё.

Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взяли вести свой народ, а никакой любви к нему в вас нет. Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят для жизни в пустыне. Это *вы* не подходите к новым способам, так как не видите ясно перед собой русла, в которое должна вливаться новая сила вашего потомства. Ответственность за гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них *вы* будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие заботы и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Не нужна великая любовь, которая учит беречь человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь переложить ответственность с себя на Бога. Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке.

Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Найдите в себе любовь! Любовь ваша родит энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдёте вновь здоровье.

Иллофиллион повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз всё моё внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в своё сердце и, казалось мне, сам читал в нём свои промахи и видел эпизоды отсутствия внимательности, когда целые отрезки жизни, а не маленькие мгновения её, проходили в пустоте.

Среди мыслей и слов, вспомнившихся мне в эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, сказанные нам с Бронским о дальней Общине и о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моём сердце, я старался выбросить из него всё личное и думать только о том, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

Иллофиллион умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

– Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему старается собрать всё лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу, чтобы вы обратили особое внимание на то, как следует подготовить себя к встрече, если вам известно, что встречающий – великий страдалец. Я употребил это слово «страдалец» потому, что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Всё, что из совершённого человеком в прошлых воплощениях обыватель назвал бы смертным грехом, вами должно восприниматься как та или иная форма страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света.

Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкавать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не стремясь распознать, предложить свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны принести утешение? Нет, наоборот, вы должны быть вдвое бдительнее и внимательно наблюдать, насколько данный человек одержим тёмными силами. Бывают случаи связи человека с тёмной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, когда эгоизм и жадность разлагают в человеке те мозговые центры³, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими телами, но светлой энергии, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их тела проникает солнечная энергия, но проникает она лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, физически действовать, но не творить. Для творчества, для жизни на ступенях эволюции Вселенной у них этой светлой энер-

³ Речь идёт об энергетических центрах, чакрах, или чакрамах. – Прим. ред.

гии не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил природных стихий, используют это только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам тёмного оккультизма.

По каким признакам вы можете распознать, одержим ли встреченный вами человек тёмной силой или он только болен, не имея возможности найти в своём сердце любовь, чтобы погасить негативное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти в себе достаточной силы любви, чтобы погасить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда *есть* Святая Святых, с которой он живёт и трудится. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своём сердце он *знает* божественное начало и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих эти силы *живут*, когда *вы* подходите к человеку, их трепет в вас даёт вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а не тёмный оккультист. Страдалец мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек *может* освободиться от наросших на нём корок предрассудков и суеверий, ещё *может* найти узкий ход к вратам освобождения.

Какова же ваша роль в этих случаях? Вспомните то, о чём говорил ночью Франциск: «От доброты и любви ученика размягчаются, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного *может* проникнуть солнце *вашей* Любви». Ещё и ещё раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: «Если сердце ваше чисто, *никакое* зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно»...

Как и благодаря чему вы можете распознать, что перед вами тёмный оккультист? Имеют ли все тёмные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что в этом человеке скрыта отталкивающая сила, выявленная *вся* вовне? Среди тёмных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие, как и среди остального человечества. Среди них есть и гиганты, и карлики, и самые обычные на вид люди, с нормальной внешностью и психикой. Но что *неизменно присуще* всем людям, так или иначе попавшим в лагерь тёмных? У каждого из них на *первом* месте – эгоистическое стремление *овладеть* волей встречного. Прежде чем вникнуть в цель и смысл встречи, тёмный применяет свою силу внушения, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчинённое положение. Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А тёмные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека.

Раздражительность – первый и главный козырь тёмных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нём страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно – с железным самообладанием и выдержкой – втягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это *первое* общее для всех тёмных сил правило деятельности...

Второе неизменное правило их поведения – *проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и запутывать сознание* встречного так, чтобы человек думал, что встретил великую, добродетельную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной области жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что *всё в нём самом*, что только *он* – независимый и абсолютно свободный творец и мастер всей своей жизни, настолько же тёмные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без *внешней* помощи и опеки, которые только и могут раскрыть ему двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоём: он и его Единый.

А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в себе и которой он объединяется с людьми.

В речах же тёмного всегда звучит призыв к разъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, тёмный говорит встречному: «Не ищи возможности разделить свои блага с кем бы то ни было. Всё, что я дам тебе, – всё сложи в склады и держи для себя. Если это материальные сокровища – копи их, ибо они сила и ими завоёвывается мир. Если это знания – помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда занимать позицию силового превосходства и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в ходе их ссор и вражды выхватывать себе удачу и богатства. И чем жёстче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни»... Эти наставления составляют *третье* правило кодекса тёмных. Действуя по этим трём правилам, тёмные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздражённых и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы.

Эгоизм человека, его самость, его стремление всегда в жизни исходить из интересов своего «я» и всюду выдвигать это «я» часто приводят его к встрече с тёмными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И всё же в его уме может бурлить протест против современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И тёмной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап тёмных.

Повторяю, тёмные *могут* быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих действительность, не обладающих собранным вниманием. И только несколько раз попив этой «горной водички», неосторожный человек сможет разобрать вкус её горький, запах её, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрёл, какое сам, своею неосторожностью, вызвал зло.

Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, которая пробудилась в вас, и устремили её потоком радости из ваших сердец навстречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог тем страдальцам, которые не знают мира в сердце, легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет. Франциск сказал вам о них потому, что знал *вашу* чистоту и верность, знал, что вы *можете* излечить в каждом из ваших новых встречных какую-то рану, куда вольёте мир и доброту.

Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своём бунте с тёмной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была целью для тёмных; и злые силы проводили в мир свои дела и идеи через этих бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно *они* служат проводниками зла. Все, кого вы увидите в дальней Общине, были спасены Белыми Братьями милосердия и охранены, защищены целой общиной добрых людей, через невинные сердца которых злым силам прохода нет.

Вступая в зону этих охраняющих тружеников, несите *им* свою помощь, чистоту, мир и радость. Ни на одну минуту не замыкайтесь мыслями на себе, но думайте только о тех страдальцах, к которым приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет *так* забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари обратно в оазис. Здесь, – прибавил Иллофиллион, остановив своего верблюда, – живёт пустынный, среди этой

маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным; чья верность *дрожит* перед необходимостью *полного* внутреннего самообладания и *слияния* с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайтесь беспрекословно, *что бы* ни сказал вам *Он*. Если прикажет возвращаться, то знайте, что если нарушите Его приказ, поступив так, как вам кажется прекрасным и нужным, вы не только не сотворите добра, но соткёте ещё одну нить зла. Вы надолго отрежете себе самим возможность продвинуться вперёд по пути освобождения...

Иллофиллион замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных её не нарушало. Я так горячо воззвал к Флорентийцу, как ещё ни разу не призывал Его.

«Создавай сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, – услышал я Его голос. – Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять *один* в своей земной задаче, но всегда объединён со Мною. Чаша в моей руке – это *твои* дела и поведение *в жизни*. Мужайся и сплетай Огонь моей чаши с Огнём сердца той, чьим рыцарем тебе велено быть в пути. Иллофиллион велел тебе опекать её только в пути, я же велю тебе опекать её и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во всё время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за моей верностью».

На этот раз я особенно сильно пережил мгновенное слияние с моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границы между «я» и «не я» в моём сознании не было...

Когда я опомнился, мехари Иллофиллиона стоял перед нами, Иллофиллион смотрел на нас, улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

– Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, уверенно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идёт.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил Иллофиллион, но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп, как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

– Вот, Лёвушка, первое испытание, о котором говорил Иллофиллион, – указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были её первые слова.

Я с удивлением взглянул на нее, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

– Это не ветер, а человек, – прибавила она, так серьёзно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлён выражением её огромных глаз.

Её лицо обычно носило несколько ироничное выражение, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого встречного казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим особого внимания. Но теперь её лицо было не только строго, но на нём отразилась какая-то неумолимая суровость, что меня озадачило. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всём, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь ранее полученному приказанию Флорентийца, я приблизил своего мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Наталии Владимировны. Через некоторое время вдали стали вырисовываться верхушки пальм. Иллофиллион сдержал ход своего вер-

блюда, и вскоре весь караван перешёл на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различал в нём ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя ход, он подскакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперёк нашего пути, точно приказывая нам остановиться. Пыль ещё не улеглась, я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нём как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но Иллофиллион ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд Иллофиллиона столкнётся с конём всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

– Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал поперёк дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчётливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен наглостью и вызывающей дерзостью, которые отражались на всём его облике. У меня мелькнула мысль, что это разбойник, хотя его внешность была скорее элегантной, чем небрежной.

Иллофиллион всё так же двигался вперёд, а всадник всё так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, Иллофиллион слегка поднял правую руку и сделал едва заметное лёгкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг унёс всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время незнакомец не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призвал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, очевидно, почувствовала моё духовное напряжение, отвела свои глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

– Спасибо, Лёвушка. Когда Али несколько минут назад приказал мне быть под вашим покровительством не только в пути, но и во всё время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Сейчас ваша любовная забота тронула меня. Я поняла, что вы – именно та сила самообладания, которая *может* быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в ком-либо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы найти брешь в нашей воле. Но он не знал, что Иллофиллиону он не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своей защитной сетью. Я буду вам помогать слева, вы защищайте правую сторону, спереди Иллофиллион – непроницаем, а сзади Ясса – защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конём и резко закричал:

– Что такое? Почему вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь вы не дикарь и не дикарей ведёте за собой? Мне надо с вами переговорить, потому я и остановил ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

– Вы не остановили моего каравана, – ответил ему своим обычным тоном Иллофиллион. – И если бы вам вздумалось повторить ваш дерзостный манёвр, он стоил бы вам жизни.

– Вот как вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой! – снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дёрнул своего коня и отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою смешливость. Всадник поднялся на стременах, пронзил меня своим взглядом – глаза его были чёрные и выпуклые – и в бешенстве закричал:

– Щенята вашего каравана оскорбляют меня, а вы молчите!

– Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что вам нужно? О чём вы просите? – ответил Иллофиллион.

– Я ни о чём не намерен вас просить, я при... при... я напominить вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я, и я никого туда не пропущу! Вы можете отдохнуть в моём доме, если хотите. В моём саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, – говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

– К вашему сведению должен заметить, что охранник въезда вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже достигла Общины, а вы даже не видели её, несмотря на всю вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал вам, что ещё одна попытка остановить мой караван будет стоить вам жизни. Постарайтесь собрать своё самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чём давно обращаетесь с просьбами к Али.

– Али – это Али, а вы... пф... Вас я не знаю и с вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да ещё в присутствии ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

– Али уже много раз выслушивал вас именно потому, что вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил вам свой долг сторицею, и больше он не имеет кармического права ни спасать вас, ни даже выслушивать. Мера его милосердия относительно вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

– Это мне нравится! Да на каком основании вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему. В посредниках я не нуждаюсь!

– Я уже сказал вам, что все возможности для вас быть выслушанным Али закончены. Я запрещаю вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал вам на это своё разрешение. Но сами вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал вам его! Сегодня для вас открывается последняя возможность быть защищённым мною и спасённым в тайной Общине, так как в этой дальней Общине вам, сознательному злодею, места уже нет. Сегодня вы ещё можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно! Много раз обманутые вами ваши соратники тёмных сил завтра настигнут вас. И вам не придётся ждать от них милосердия, которого вы в жизни своей не проявили ни к кому.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как Иллофиллион говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не просто страха, но ужаса. Всё же он постарался овладеть собой и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

– Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких моих врагах вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чём упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполняю, но слова не сдержал. Но при чём здесь вы? Быть может, вы скрываете, что Али послал вас ко мне? – с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаённой надеждой закончил свою речь всадник.

– Если бы Али и имел возможность спасти вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к вам руки возмездия. Ибо эта рука вызвана *вами* и может быть остановлена тоже только *вами*. Кроме того, я уже сказал вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти, выросшие выше

вашего роста, стены вам не пробиться к Али никогда. Ещё раз – и последний – я предлагаю вам свою помощь. Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что собой представляет, вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, а вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищённым от прежних своих друзей, которых вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал – завтра они настигнут вас, и вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают вас.

– А разве в тайной Общине, где день и ночь надо работать, где нет никакого простора для собственной воли, где все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его сознании представление о реальной встрече с его врагами заставило его опять пережить неопишуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

Иллофиллион спокойно сидел на своём огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Черты его лица исказились, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и стал пытаться сбросить своего жестокого господина. Наконец незнакомец вымолвил:

– Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Вдруг он вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечный приступ не дал ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

– А вдруг вы обманываете меня, чтобы заманить в свои сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в вашем тайном месте?

Иллофиллион рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как звук клинка, которым говорил очень редко:

– Что вы за «силища», в этом вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны вы и ваш конь, не способна помочь вам, ибо ни вы, ни ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у вас был мой гонец и предупредил вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит вам: «В последний раз вам предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту вы не примете решения, ваша жизнь в веках окончится в страданиях вместе с жизнью планеты, а затем исчезнет из Вселенной, сожжённая огнём вашей лжи и всей той кровью, что лежит на вас. Выбирайте, времени нет, враги ваши уже близко».

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что теперь он понял слова Иллофиллиона вполне, и правда их его ошеломила.

– Я согласен, – еле слышно прошептал он.

Иллофиллион приказал ему отъехать в сторону, присоединиться к Яссе и ехать с ним до тех пор, пока мы не встретим надёжного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далёкую тайную Общину.

– Надёжный конвой? За два года жизни в этом саду ваш караван первый, который я увидел. Кто ещё может оказаться здесь? – говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

– Да, *вы* видели только первый караван. Так же, как *не* увидели в повстречавшемся вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но *он* видел вас и оповестил о вас

пославших его на поиски ваших врагов. Он искал вас усердно, ибо иначе ему было не миновать ужасной судьбы вроде вашей, – ответил Иллофиллион.

Проехав ещё около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадках. Все они, встретившись с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились Иллофиллиону, коснувшись земли своими тюрбанами.

– Встаньте, друзья, – сказал им Иллофиллион, – ваш грех давно прощён, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете ещё сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых сил, – отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ними встанет песчаная буря. Она заметёт ваши следы и погубит весь труд тяжёлого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

Иллофиллион повернулся к Яссе и сказал:

– Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, который я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

– Переоденьте одежду, которую вам подали, – обратился он к буйному всаднику. – Отдайте своего утомлённого коня Яссе и возьмите его мехари. На коне вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодевался, пока Иллофиллион разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я приглядывался к их лицам и был ими просто поражён. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое – дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнёт на каждом из этих лиц неумовимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к Иллофиллиону. Посмотрев на него пристально, Иллофиллион обратился к бедуинам:

– Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много лет назад я спасал вас от преследовавших вас врагов, в каком диком ужасе были вы тогда, и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими тёмными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей.

Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и вызвал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во всё время пути и жизни в уединении, – обратился Иллофиллион к всаднику. – Думай не о трудностях *этой* минуты, не о тяжёлом *дне*, когда твои *страсти* раздражают тебя и *мешают* тебе видеть что-либо, кроме самого себя. Но думай, что *вся* жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости. Думай, как тебе понять, что такое *радость*. И в первый же раз, как ты её *испытываешь*, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. *Радость* ведёт к победам Любви, а злое уныние – к упорству воли. Упорство же воли – меч зла. Этот меч не может разить там, где живёт *радость*.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окружённый своей стражей на маленьких лошадках, он был похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадежное отчаяние выражала вся его фигура.

Иллофиллион сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв немного и всё время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, Иллофиллион тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево. Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я дал себе отчёт в своём поведении во всё время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз я *наблюдал*, а не *действовал* в том смысле, как учили меня принципы жизни в Общине, то есть *быть* и *становиться*. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нёс ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял *как действенную силу помощи*, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время одной встречи освобождаясь от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, *как* надо действовать? Почему я не смог передать этой несчастной, страдающей душе свою энергию любви? И снова я сам себе дал ответ: знать – значит уметь, а я только знал, но не умел. Я забыл обо всём и обо всех, забыл время, пространство и место, я всё думал о бешеном всаднике...

– И теперь, Лёвушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, которую дал тебе Флорентиец, и серьёзно приняться за выполнение своей роли рыцаря подле Наталии Владимировны, – вдруг услышал я голос Иллофиллиона.

Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, ещё более удивился тому, что голоса Иллофиллиона никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенёс всё своё внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталия Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза её блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся её тяжеловатая фигура выглядела подобно некоему центру силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю её как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чём её не спрашивая, я *точно* знал, *куда* летели её «снаряды», знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед её духовным величием. Я понял, как была высока её культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живёт манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались ещё минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними верхушки деревьев, кое-где крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

– Я здесь никогда не была, Лёвушка, – сказала мне Андреева. – Несмотря на то, что Али сам учил меня многому, что составляло запретную область для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, что да почему, получая те или иные указания Учителя. Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незаданный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне всё. Мира в сердце, полной примирённости со своими собственными жизненными обстоятельствами не было во мне до этой последней минуты. Сейчас, «прочитав» жизнь не только этого несчастного, добровольно впутавшегося в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, которые послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своём сердце постичь *закон Мудрости* в каждом явлении жизни человека. Горе и страдания невинных – по всем видимым, внешним признакам – людей меня возмущали. И вообще, весь жизненный путь подавляющего

большинства людей, идущий через страдания, выводил меня из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Главное, чего я не понимала, – мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помогать, как мне это казалось.

Но сейчас мне открылось главное. Я поняла, что не всегда *можно* помочь человеку, потому что в нём самом лежит первое препятствие к получению помощи. Человек бывает так закрепощён в своих предрассудках, что считает свою, на *свой* манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому человеку, сугубо личностно воспринимающему добро и всю жизнь, вся остальная Вселенная, с её *законом* Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мёртвым хаосом, где на его долю выпадают незаслуженные им горести и муки.

Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил тёмным, отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд жизненных ценностей, как он их понимал. Устрашённый трудностью пути подле Али, он пожелал лёгкого достижения блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у тёмных наука не только трудна, но и страшна, если не сказать – ужасна, он сбежал, обманул их и дорого продал часть их дешёвеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие Иллофиллиона. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке не было больше ни одного аспекта Чистоты, дорогу к которой был бы в силах расчистить Али. Иллофиллион поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные люди, связавшиеся с тёмными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви.

Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасены вовремя от злой силы. Иллофиллион старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был ещё один друг, которому они верили, считали его своим старшиной и во всём следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный Владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле он отправился к тёмным и пообещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путём огромных страданий, путём полного убийства в себе всех человеческих чувств: милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания – он добыл у тёмных часть их тайн. Настало время расплатиться с ними за это. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов, или слуг, готовых беспрекословно повиноваться всей шайке тёмных, содержащей своих соглядатаев по всему миру. Встреченные нами пять бедуинов пылали верностью и любовью к своему старшине. Иллофиллион предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он сам нашёл возможность увидеться с ними и рассказал им, что все призывы их друга – ложь, что он завлекает их в ловушку, где их ждёт гибель у тёмных. Но и личное свидание с Иллофиллионом не помогло. То, что *они* в своём слепом заблуждении называли *верностью другу*, заставило их служить тёмным по указанию этого «друга», якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные, всё больше и больше давая тёмным возможность овладевать ими, пока они на личном опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумёртвые от ужаса и пыток, которым их подвергали, они воззвали к Иллофиллиону, моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный Иллофиллион спас их. Как много надо сил сердца, Лёвушка, чтобы человек понял Истину и её божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, о чём он говорит. Всё сейчас стало мне ясно. Все слова Франсиска сложились в стройную систему действий творческих сил, где всё, что творит, *может* творить только в *мире* собственного

сердца. Никакое *искание* Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока *в нём самом* нет полной примирённости...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой поразили меня тем, до какой степени личные чувства и субъективность восприятия способны закрыть глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из белого гладкого камня, напомнившего мне стены дома Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подросшего Никито, я сошёл с седла, но Иллофиллион немедленно своей рукой вложил мне в рот лекарственную конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я тут же бросился к Наталии Владимировне и с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех её покрывал и тесёмок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран. Бедная женщина была так слаба, что Лалия и Нина, подбежавшие на помощь, увели её, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она выглядела такой крепкой и свежей, точно и не ехала весь день по пустыне.

К Иллофиллиону подошёл старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

– Добро пожаловать, Учитель! Вовремя, ах как вовремя ты приехал, дорогой! – говорил он, обнимая Иллофиллиона и целуя его руку. Иллофиллион отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

– Мир тебе, Раданда! Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы лёгкое облачко мимолётной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова засияло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

– Задачи новые, значит, и Свет придёт новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил свою меру вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия!

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал:

– Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью не только читать мысли, в данный момент бушевавшие человека, но могли почти мгновенно «увидеть» его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул – последний, кто говорил со мной о нём, – ещё больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении любых типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей – «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда, оказавшийся настоятелем, сам повёл нас в глубь прекрасного сада, где было много цветов и даже огромных, ещё не виданных мною цветущих деревьев. Он привёл нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

– Вот дом в твоё полное распоряжение, Учитель. Здесь разместить всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, кого ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец низко поклонился Иллофиллиону, потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: «Благословенны будьте», – ушёл. Пока я мог его видеть, его фигура всё казалась мне движущимся огромным шаром, переливавшимся всеми цветами радуги.

Иллофиллион приказал всем мужчинам устроиться на верхнем этаже, оставив для него самого угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Наталией Владимировной, я помог ей устроиться в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала, и разобраться в её многочисленных вещах. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую, беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул.

Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с Иллофиллионом у дверей его комнаты, расположенной в стороне от всех остальных. Я хотел его спросить, где мне лучше будет поместиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

– Лёвушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника⁴ для общения с членами Общины, так как размеры её порядочны. Не согласишься ли ты, – он засмеялся, – занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придётся немало.

Иллофиллиону не было надобности говорить мне ещё что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому наставнику и немедленно ощутил блаженство и лёгкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эты выскочили из своих комнат Бронский и Игорь, и под общий смех я получил первое приказание Иллофиллиона как келейник.

– Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах. Каждый в своём шкафу найдёт такую одежду. Ванна для женщин – направо от дома, для мужчин – налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо хранить полное молчание. Смотри, не опоздай сам!

Я отправился выполнять своё первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эты.

Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

⁴ *Келейник* – в православной традиции – слуга при духовных деятелях высоких званий (игумене, архиерее и т. п.) или при уважаемых монахах-старцах. Иногда так называли и обычных монахов. – *Прим. ред.*

Глава 2

События в трапезной. Моё новое понимание жизненных путей человека

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригладить пёрышки на белоснежной спинке Эты, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталия Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, её не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только её поспешность, но и лёгкость всех её движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартана.

– На этот раз, Лёвушка, – сказала она мне без всякой иронии и юмора, – я хотела опередить всех и всё же пришла позже вас, хотя видела, как вы мчались куда-то с Этой по аллее. Мне бы очень хотелось разделить ваш труд и хоть чем-нибудь маленьким выразить вам свою огромную благодарность за ваше джентльменское поведение по отношению не только ко мне, но и ко всем нам. Я не видела ещё ни одного раза на вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения в адрес кого-либо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчёт в достигнутом вами, почти ребёнком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

– Почему вы думаете, Наталия Владимировна, что встреча с новыми людьми в трапезной – такой тяжёлый момент? – спросил я её, поражённый этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталия Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался Иллофиллион. Часто я видел его особо прекрасным, но никак не мог привыкнуть к меняющемуся выражению его лица. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что это не у Иллофиллиона менялось лицо, а моим глазам открывалась всё новая возможность *видеть* в этом лице что-то большее, чем я *мог* видеть в нём раньше. Точно так же, не особенно давно, я понял, что не знаю и тысячной доли того, над чем трудится Иллофиллион, и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в его работе, да и её вижу далеко-далеко не всю.

Почти мгновенно в моей памяти промелькнули картины всего этапа моей жизни с момента пира у Али. Я вспомнил свои слёзы в вагоне поезда и беседу Иллофиллиона со мною, разлуку с Флорентийцем в Москве, моё отчаяние первых минут, бурю на море... И я низко поклонился Иллофиллиону, не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за всё проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким я был, так, как он относился ко мне. Когда я выпрямился после моего глубокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

– Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны символизировать мир и радость в наших сердцах, с которыми мы войдём в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков скорби на лицах людей, живущих здесь. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердец отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжёлую атмосферу он вошёл, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и передавайте каждый волю-Любовь своего Учителя им в помощь. Ещё раз напоминаю вам: по правилам жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

Иллофиллион всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эту. Мне показалось, что он прикажет мне оставить Эту здесь, но он сказал:

– Возьми птицу на руки. Ты оставишь её у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдём.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут десять и пришли к островку, отделённому от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьём, вытекавшим из озера, расположенного довольно далеко, выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим, очень старинным домом из белого камня.

Иллофиллион шёл вперёди, за ним шли я, Андреева, Игоро и Бронский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита. Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и обо всех тех, кого вывез Иллофиллион, но кто находился не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнётся иначе?

Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал своё внимание и сосредоточился на текущем *сейчас*.

Иллофиллион один вошёл в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на лужайке. Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действительно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях показался Иллофиллион, держа под руку старца-настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эту. Снова Раданда показался мне радужным шаром, но было ли то влияние света взошедшей луны, была ли то игра лучей огромных звёзд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но теперь мне стало казаться, что и Иллофиллион шёл в сияющем ореоле, включив в своё сияние весь ореол Раданды, казавшийся теперь, по сравнению с сиянием Иллофиллиона, тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению, от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился, в чувстве счастья и в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из ореола Иллофиллиона и заливают всё моё сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде деятельно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не «я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного – мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зелёной книге, которую я нашёл на своём алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем.

Когда я подошёл к нему, он сказал мне:

– Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он на этом месте служит очень недавно и не успел ещё узнать всех правил нашей Общины, но человек он добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я уже знать из тех, кто жил в этой дальней Общине? Да ещё такого человека, которому был бы знаком мой павлин? Но тут привратник вышел из своей сторожки, и я невольно воскликнул: «Мулга!»

Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эты, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о птице.

– Подержи птичку у себя во время трапезы, – сказал привратнику настоятель. – И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права – по нашему закону внутренней жизни – опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздает, как бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни приводили, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовёт кого-либо из тех, кто находятся в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его. Чтобы тебе было легче и сердце твоё не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту *всю* мою Общину и всё, что в ней делается. И если действительно будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь. Помни же, друг, стой как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников!

Иллофиллион взглянул на меня.

– Я предупреждал тебя, Лёвушка, что тут надо сохранять полное молчание. Собери внимание ещё глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Помните все, мои друзья, *что* такое «добрый», – прибавил Иллофиллион ласковым, нежным голосом, точно изливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещённых окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм.

Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещённый, но я не понял, чем и как он освещался и откуда именно лился идущий сверху свет. Мне показалось, что наверху тоже были освещённые окна, но я боялся рассеиваться вниманием на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ своего великого покровителя, Флорентийца. Кто-то взял меня за руку. Я увидел возле себя Наталию Владимировну. Она снова, как и в пустыне, показалась мне пушкой с тысячью снарядов.

– Лёвушка, я рядом с вами. Не забудьте включить меня в своё защитное звено, – шепнула она мне.

– Я не знаю, как это сделать, – ответил я ей, пожимая её горячую нервную руку.

– Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое действие вашей мысли и сердца включайте меня, думая «мы», а не «я», – ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно объединяя свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал сейчас Андрееву как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал. Сердце моё билось сильно, радостно, точно я шёл не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света.

Перед Иллофиллионом и настоятелем два брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном.

Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись возле него, настоятель поклонился Иллофиллиону, приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил рядом с Иллофиллионом, остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними и соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины; они представляли собой как бы барьер между ними и нами. Пока мы рассаживались по указанным нам местам, все, наполнявшие трапезную, продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал свой посох келейнику и занял своё место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и Иллофиллион опустились на свои места, все присутствующие ещё раз поклонились им, сели, и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как всё здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и весёлый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежные, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека стояла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцев Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили возле каждого на стол мисочку, не особенно большую, глиняную, с похлёбкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на Иллофиллиона, рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, у меня разыгрался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад не отвлекаться совсем вниманием на еду. Мне теперь казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощён морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Сидевшие за столами люди сразу поразили меня двумя противоположными проявлениями: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал лёгкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но и снова лишь наблюдал, вместо того чтобы действовать. Я посмотрел на неё и чуть было не сказал «спасибо», как почувствовал словно удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг – не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, – понял, что он велит мне запомнить всё, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара-ореола Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы.

Мало того, я чувствовал силу, которую передавала мне Андреева, помогая сосредоточивать мои мысли. Я собрал всё внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна фигура. Это был высоченный человек, ростом и тёмной кожей похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напоминавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

Подавальщики уже поставили блюда с кашей на столы, а настоятель ещё не взял ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками.

Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на дне ничтожное количество каши. Сделав ещё один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

– В прошлый раз я говорил вам, братья и сёстры, о том, *что* такое терпение, для чего оно нужно всякому человеку и почему без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встре-

чать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, делая тяжёлый, нудный путь через пустыню. Каждый из вас пусть сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нёс ли он любовь навстречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подобрана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдалцы! Много лет сердце моё носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперёд, и всё же на первом месте ваших духовных волн идёт отрицание. Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, всё же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание.

Наш высокий гость, Учитель Иллофиллион, скажет вам о самообладании. Из его слов вы ещё раз поймёте, что только тот, кто нашёл в себе силы привести в полное самообладание всё своё существо, *может* разыскать тропу к творчеству. Вы же – за малым исключением – все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может входить в русло гармонии хотя бы на короткие минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлёт вам своё озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться. Важно в *эту* минуту суметь победить в себе мелочь условного и воспринять слово Величия, спустившееся к вам. К вам, всё ищущим, всё пытающимся доказать самим себе, что горе ваше обитает не в вас, а вне вас, и что жизнь, которую вы ведёте, не ваших рук производное, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своём чудесном слове нам!

Раданда встал и низко поклонился Иллофиллиону, Иллофиллион отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

– Мои близкие друзья, мои дорогие братья и сёстры! Много лет я не видел вас. Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного привет и помощи. Мы будем иметь ещё время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобождённого сердца всё то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творящей Любви, пусть разрежет все пути условностей, мешающих общаться в огне и духе.

Мир, который я привёз вам сегодня, это мир не одного моего сердца. Это мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь. Наибольшим вашим страданием, страданием, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были *признаны* вашей современностью, вашей средой, вашими соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве *это* есть цель и смысл жизни выдающегося человека на земле? Подлинной целью человека, *проснувшегося* к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на земле. Каждый из вас не только *знает*, но слишком *много* знает, как идут пути мировой эволюции людей. Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, *служя* Светлому Братству, *помогая* ему выполнять мировые задачи для помощи и развития человечества?

Если вы внимательно взглянете в своё сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас *радости* и самообладания. Подумаем, что такое самообладание?

Есть ли это *только* умение владеть всеми *своими* телами⁵, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и *такое* самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика – человека, желающего стать членом Светлого Братства, – такое самообладание – ещё даже не начальная часть духовного пути. Оно только младенческий период *подготовки* к встрече с Теми, перед которыми *нельзя* стоять в страстях и бунте...

В чём же проявляется *первая* черта самообладания человека, стремящегося к пути, идущем в ногу с Братьями Светлой Общины? *Первая* ступень ученического самообладания – простое признание себя и каждого *равными* величинами Вселенной; равными *носителями* Единой Сущности, приносящей мирозданию *свои* Силу, Свет и Мир. Если сердце человека свободно от предрассудка неравенства, он не придаёт никакого значения тому, что в нём больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует *своих* талантов. Он проходит свой день, вкладывая во *все* дела и встречи силы Единого, которые *ожили* в нём. И потому он не только не ждёт наград и похвал, но раскрывает в *себе* источник Света и *втягивает* в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе *незыблемый* мир – аспект Единого. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя вновь и вновь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко.

Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о том другом, кого он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника образует плотную перегородку между ним и встречным. Признание, которого вы так добивались от современников и которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлёт Светлое Братство. Оно признаёт вас равными себе. Оно *принимает* вас под свою защиту. Оно *посылает* вам свою Любовь, свою энергию, свою радость, чтобы в вашем сердце раскрылась доброта. Самая *простая* доброта к людям, которых вы признаёте равными себе, как Светлое Братство признаёт вас равными себе и благословенными.

С того мгновения, как однажды человек поймёт, что он составляет *центр* встречи, что он *ведёт* тот аккорд, в котором *звучит* весь его день, самообладанию его раскрывается *новая* сила и новый, *укреплённый* со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения он соединяется с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он *может* приблизить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут все его дальнейшие действия и встречи. Мысль о том, что данный человек ещё так далёк от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живёте вы, не даёт вам ни права отъединяться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы её ни считали в своё данное *сейчас*. Если бы Светлое Братство, вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвинулось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишён внимания, никто не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радость этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, которое явило каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство.

Гениальные способности никогда не смогут прийти к тому человеку, в котором глубина Любви не создала святая святых в сердце. Только из *этих* глубин льются потоки творящей Силы, и только из них *видит* и *слышит* человек высокие эманации Творца, посылающего через миллионы каналов Свою силу на землю. *Приказать* себе творить так же невозможно, как невозможно *обучить* творчеству другого человека путём подражания самому себе. Чтобы вообще учитель *мог* обучать ученика, надо, чтобы он сам понимал, на собственном опыте, *источник*, из которого льётся творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособо-

⁵ Согласно эзотерической философии Востока, человек имеет не только физическое, но и тонкоматериальные тела. – Прим. ред.

биться к манере самого ученика мыслить и воспринимать текущую жизнь. Только тогда он может встать в его положение и попытаться найти для *него* такую систему ученичества, благодаря которой тот сам смог бы понять, как ему освободить в себе волю и силу духа от давления личных, мелких и низменных страстей и неконтролируемых мыслей.

Если вы просмотрите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, затем годы последующие и последний период, до самой последней минуты пребывания в этой комнате, – можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первым вашим импульсом при пробуждении, навстречу расцветающему дню, была мысль разделить труд Белого Братства, внести маленькую часть своего самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? *Имея знания*, вы увлекались одной *личной* жизнью. Вы *говорили* – и *внешне* якобы так и действовали, – *как вы* интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась *ваша* собственная личность.

Настал час – для всех вас без исключения – двинуться теперь к более высокому самообладанию и открыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы всё ещё не понимаете ясно, где, откуда и как *раскрывается путь* к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что *путь* к Учителю ведёт через обычный серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним?

Посмотрите внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкое неприятие друг друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих соседей в Общине? Почему только отдельные единицы среди вас идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: «Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду, если я его не трогаю». О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном настрое, но и вся система мировоззрения, выстроенная вами на подобных началах, – мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «я», ваша личность, не может при таком состоянии вливаться в труд Вечного. Пока сила вашего *раскрытого* Духа не *свяжет* ваш земной труд с огнём Жизни, до тех пор вы не войдёте в круг сотрудников Светлого Братства. А эта связь ткётся самим человеком, и только *теми* частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость.

Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: «Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать её частицей». Но половина из вас всё так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало любви проявлял к вам ваш настоятель? Разве мало внимания уделяли вам те братья, которым был поручен надзор за вашими нуждами? Дерзнёт ли кто-либо из вас обвинить служителей этой Общины в недостаточной доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем, как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза!

Как только Иллофиллион произнёс эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к Иллофиллиону. Я содрогнулся – столько сарказма, злобы и даже ненависти прочёл я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. Иллофиллион на каждом лице задержал свой взор. И под его пристальным взглядом, точно под волшебной лаской, стирались на лицах бунт и протест. Выражение этих лиц менялось, смягчаясь, и по щекам некоторых людей покатались слёзы, резко изменив весь их облик.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился взглядом в лицо Иллофиллиона, и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке.

Но три человека оставались склонёнными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться, такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напомнивший мне Дартана своим сходством с ним. Он до этого момента всё время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением Иллофиллиона и за всеми нами. Но как только Иллофиллион встал и начал говорить, он опустил голову и всё ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему удавалось плохо.

Две другие не поднявшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись чёрной одеждой среди белых одеяний. Меня уже давно поразило, что среди людей в белых одеждах за этими двумя столами сидело по одной чёрной фигуре. Что касается человека, похожего на Дартана, то он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета, и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная из опала и висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка. Только все головки на его цепи были опаловые и чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво смотревшимися на его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, только теперь понял, что выражение ненависти и вызова, сквозившие во взглядах, которые он несколько раз бросил на меня, относились не ко мне, а к моей цепочке и пластинке. Нечто вроде мимолётного опасения за своё бессилие выполнить поручение Дартана снова мелькнуло во мне, но толчок от Наталии Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строгановых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уоми и всё последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но даже много серьезнее для Иллофиллиона и трёх склонившихся за столами фигур. Стремительно собравшись весь в комок мольбы, я мысленно воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева ощущает в эту минуту много больше моего, что она зовёт Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с Иллофиллионом и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно, крестообразно сложившим руки на груди. Я отчётливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходившую от него и наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом⁶, но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время я не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своём внимании, в подъёме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склонённые фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сгорбиться, съжились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и низко опустили головы.

Улыбнувшись всем глядевшим на него людям, теперь счастливым и радостным, Иллофиллион сказал:

– Мои дорогие братья и сёстры, мои любимые друзья, когда-то спасённые Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе – параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с тёмными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться из их власти. И не потому, что тёмная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищённое место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как отпечаток калёной печати в ваших сердцах. Вы не

⁶ *Магнетизм* – особая сила в природе и человеке, проявляющаяся в виде излучений невидимого тонкоматериального вещества или энергии. – Прим. ред.

могли простить до конца тем лицемерам, которые, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали ваше простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей.

В эту минуту, окружённые любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благословить их, принять их несчастье как урок себе, в своё доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а став радостными, нашли и новый путь к освобождению – творчество вашего сердца. В этот момент ни один из вас не остался сидеть, вы встали, потому что сила радостной гармонии подняла вас. Вы чувствуете, как всё существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей.

Вы много лет боролись и разыскивали тропу – каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, – к творчеству или духовному освобождению, и вот в единое мгновение совершился поворот в вашей судьбе: вы нашли эту тропу и вступили на неё. Запомните навсегда этот покой, тот благостный мир, которые наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, когда в вас *раскрылась* и *двинулась* к действию ваша Любовь. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телом. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в которых вы жили здесь. *Вас* больше не надо защищать, теперь *вы* будете защищать всюду встречаемых. Вы свободны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте планеты или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена, и в любое место Земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены.

Мой вам последний завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом вы ни занимались, каких бы людей вы ни встречали, никогда не думайте, что одни лишь тяжёлые внешние обстоятельства подавляют и губят людей. Впишите в своё сознание, в сердце, в память навечно, что *все* внешние обстоятельства *каждого* человека, какими бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и поставленному в них человеку, все – повторяю – *его* обстоятельства *защищают* его *вечную* жизнь, а не подавляют или губят её. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них разницы. Ибо и те, и другие отныне *одинаково священны* для вас. Примите благословение Любви, посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: *оно признало* вас равными себе. И да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов; да не нарушит вашей внутренней гармонии никакое *непризнание* вас людьми. Будьте благословенны именем Светлого Братства – мир вам!

Иллофиллион благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

– Идите, друзья и братья, радуйтесь счастьем возратить Жизни те дары и таланты, которые Она дала вам в веках, и, очищенными, приносите во все дела и встречи не *себя* в талантах, но таланты в себе.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампы. Казалось, им жаль было оторвать взгляд от сверкавшего красотой и мощью лица Иллофиллиона. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем. Все мы, следом за Иллофиллионом, отвечали на их поклон. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходявшего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец даёт мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пустела. Столы, где сидели согбённые фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно убрали посуду, передав её через окошечки в левой стене на кухню, теперь блистали белизной и чистотой, быстро и бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими белыми

пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестёр Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть за столом, что они делают попытки выпрямиться, желая уйти вслед за остальными, но не могут этого сделать, как не мог злобный карлик оторваться от пола перед Франциском в маленькой детской трапезной в Общине Али.

– Встаньте, несчастенькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце моё, и в том вина моя, а не ваша, – раздался голос настоятеля. И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в нём любви и трогательного желания защитить, что слёзы невольно покатались по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

«Мужайся и твори действенную Любовь, только так могу помочь через тебя», – услышал я его дивный голос и устыдился своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

– Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие моё, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и способов для вашего освобождения, я был вам примером слабым и малым, да будут небеса взыскательны ко мне, но благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце моё века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его облик и весь ореол Света, окружавший его, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я чётко сознавал, передавалась сейчас колоссальная сила Флорентийца, вливаясь в ореол Раданды.

Я ясно видел, как в его ореол лилась также и сила Али, и ещё несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественным и торжественным, и я ощущал себя не просто находящимся в великом храме, но так, точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, всё держа руки скрещёнными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трём сидящим фигурам. Я забыл обо всём, я точно вышел из тела и слился с огнём Флорентийца. Я видел не только тела этих сидящих фигур, но и их горящие ауры, и понимал разницу их трепетавших огней.

От великана с опаловой подвеской шли бешено, зигзагами багровые, чёрные и грязно-серо-зелёные молнии, которые он направлял прямо в центр ореола Раданды. Но эти огни, не достигая ореола, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана.

Вторая чёрная фигура посылала, точно целое море змей, такие же багровые и чёрные молнии к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задыхавшегося.

От фигуры последнего, дальше всех сидящего человека, исходили мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от него, были испещрены чёрными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо старалось найти в сердце остатки своей прежней чистоты, благословляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур к этому несчастному летели молнии багровых проклятий и приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

– Встань, мой друг, – раздался голос Иллофиллиона, вытянувшего руку по направлению к этому человеку.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобождённая, засветилась голубыми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою Иллофиллиона.

Как только фигура подошла к Раданде, натянутый на её лицо капюшон плаща упал, и перед нами предстала женщина, не старая и красоты редкостной. Она чем-то, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал приглушённый стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, всё тело которой сотрясало в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

– Прости, святой отец, прости великой грешнице! Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты простил нас всех! Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение! К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное. Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой! Пусть вся моя жизнь пойдет на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет ему мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему ещё раз, в последний раз, благую руку помощи!

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. В тот же миг раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел опаловый сфинкс, и бросил её, ловко рассчитав удар, так, чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По тому свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжёл и что женщина будет неминуемо убита.

Рука Иллофиллиона мгновенно протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел, как цепь, описав в воздухе зигзаг, ударила по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя. Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда Иллофиллион остановил полёт цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из пластинки-амулета, подаренного мне Дартаном, вылетело несколько жёлтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился над женщиной, поднял её и обнял, подозревал Лалию, Нину и Никито.

– Отведите её к привратнику. Там уже ждут носилки. Помогите отнести её в больницу и оставайтесь при ней, пока я не приду. Она будет в беспамятстве, не смущайтесь этим. Я скоро приду.

Оглянувшись, Раданда улыбнулся леди Бердран и поманил её пальцем.

– Иди и ты с ними, Светляночка. Да и вы, друзья, помогите им, – обратился он к Бронскому и Игорю. – Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за всё это время. Она была бела как лилия и, несмотря на тёмный цвет волос, слово «Светляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдёт даже до порога, не только до больницы, так была она хрупка, так слабы и неуверенны были её движения. Когда она поравнялась с сияющим образом Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но знал, что она не видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась, вся засветилась, на её бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша.

Когда вся группа наших друзей вышла, уводя еле двигающуюся красавицу, прелесть которой можно было сравнить, пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, в трапезной на несколько минут водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает своё самообладание и все свои силы, и последовал её примеру. Я весь ушёл в молитву Флорентийцу

о помощи несчастным, наступление грозного момента жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчёта в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Только я хотел поточнее убедиться, что это именно он, как вдруг увидел ещё одну, новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

– Мой бедный брат! Милосердие даёт мне последнюю возможность ещё раз обратиться к тебе с увещеваниями, – раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца. – Встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость. Постепенно – от строптивости к гордыне, от гордыни к надменности и сарказму – он пришёл к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей. Теперь он лежит бессильно и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не бойся. Ты ещё можешь найти прощение, можешь начать трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя моё несчастное. Мгновения идут, судьба твоя ещё в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши!

Не успел отзвучать голос старца, как чёрная фигура резко выпрямилась, сбросила капюшон со своей головы, и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать его? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. Это было бледное лицо в рамке иссиня-чёрных волос, узкое, дерзкое. Вся фигура этого человека, тоже узкая, стройная, была нечеловечески тонка и, завернутая в какую-то плотно облегающую одежду, была похожа на огромную змею. Глаза у него тоже были змеиные, узкие и ярко-жёлтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. То, что этот человек был трусливым и коварным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставляло сомнения. Но почему он и великан оказались *здесь*, этого я понять не мог.

Человек стоял молча, глаза его бегали от лица Иллофиллиона к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему можно было бы зацепиться. Мгновения всё шли в полном молчании. Вдруг я увидел ещё одну внезапно возникшую сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

– Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, – раздался голос Иллофиллиона.

Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его проскользнула судорога, и он изогнулся всем своим тонким телом, что ещё больше подчеркнуло его сходство со змеей.

Иллофиллион пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

– Повинуйся!

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел снова накинуть на себя свою чёрную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Наконец ряса упала у его ног, он с трудом высвободил их и стал медленно приближаться к нам. На лице его, бледном и раньше, теперь вообще не оставалось никаких признаков жизни. Приобретшее какой-то трупный цвет, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворённая. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нём, – ничего не мог я уловить на этой маске. И шёл он, как автомат, точно всё, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив одну его внешнюю скорлупу. Как ни медленно он шёл, но всё же настала минута, когда ему пришлось подойти к Иллофиллиону и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и Иллофиллион передвинулись так, чтобы быть рядом, по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огромная фигура Али, от которого исходила высокая стена огня. За спинами всех старших братьев эта огненная стена образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нём.

Я понял, что человек-змея видит Али и видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, несчастный точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он попробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

– Стой спокойно, или ты сгоришь, – сказал ему Раданда. – Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому назад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что это был последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю добра, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

– Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, – прошипел он в ответ Раданде. – Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман; и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы сейчас идти со всех сторон.

– Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, – раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он. Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

– Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горячей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь друзья, – а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти! И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там примешь путь вечной муки в кругу тёмных сил. Муки твои будут удесятеляться воспоминанием о жизни здесь, где тебе – поверив твоим мольбам и клятвам, забыв о моём предупреждении насчёт тебя – предоставил возможность спастись Раданда. Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине. Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил.

Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, перед тобой теперь последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром. Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введённый, внутрь защитной стены – и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и сам прощённый до конца, ты умрёшь как эта жалкая оболочка, но войдёшь в великий поток Жизни и начнёшь свои новые воплощения, будучи очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадёшь в руки своих бывших приятелей, давно тобою недовольных. Выбирай. Ещё несколько мгновений мы можем предоставить тебе выбор, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, ещё могут простоять короткие мгновения. Когда мгновения эти истекнут, ты будешь выведен за стены Общины, и там совершится твоя судьба.

Наглость и злоба, с которыми слушал вначале слова Али змееподобный человек, теперь сменились на его лице такими отчаянием и ужасом, описать которые невозможно. Его лицо снова превратилось в маску, совершенно мёртвую. Мне казалось, что ничего – ни мысли, ни чувства – нет больше в нём, что он даже и решения никакого принять не может, настолько его парализовал ужас. Но я ошибся. Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он, наконец, нащупал один из них, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман – я не мог разобрать, что это была за вещь, – он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

– Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри неё. Спешу, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал спокойно, но твёрдо.

Я увидел, что огненная стена уже достигла головы Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек⁷, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, и Франциск обратил свое лицо к несчастному, изливая на него из своих глаз потоки любви, улыбнулся ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я ещё в жизни ни разу не слышал, и не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не услышать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей и переживаний; вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочёл в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я почувствовал, как дрогнуло всё злое, налипшее на этом сердце, и как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из него. Я видел уже не мольбу, не борьбу его, но полное понимание, что смерть в огненной стене остаётся единственной защитой от ещё худшего зла.

Упав на колени, человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражён: под тяжестью несчастного Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему на помощь – Али, как молния, очутился там и столь же мгновенно перенёс человека внутрь стены. Руки Али осторожно поставили раскаявшегося грешника в центре круга. Теперь он дышал учащённо, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

– Прости, я ненавидел не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искренность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты. О, какое счастье, какую лёгкость я испытываю сейчас! Впервые я понял, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в котором я сейчас умираю? Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня!

Он хотел сказать ещё что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет её уже не был огненно-красным, она переливалась всеми цветами радуги с преобладанием голубых и розовых тонов.

– Лёвушка, – услышал я голос Иллофиллиона, – выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже сдвинуться с места не смогу. Сейчас же, получив приказание Иллофиллиона, я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратничьей, услышал громкий разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

– Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибегали даже от ворот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть

⁷ Имеются в виду физическое и астральное тела. – *Прим. ред.*

не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещённый дворик. Я провёл их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стоял на коленях возле головы умершего, произнося какую-то молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с коленей, поднял Андрееву и обратился к братьям:

– Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте носилки с его телом в мою часовню. Молитесь о нём так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех, его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

– Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните всё, чему вы были и будете свидетелями здесь. Знайте твёрдо: до *последнего* момента надо верить и надеяться *пробудить* в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живёт *Она*, а для её пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Изливайте и дальше ваши любовь и доброту в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая частица доброты, проявленная для утверждения любви и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет ещё нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повёл по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: оно стало прозрачным, и по всем направлениям в нём летали рубиновые звездочки. Они то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не просто красивое зрелище, но ещё и запечатлённые в пространстве изречения, которые я не смог бы прочитать, а Андреева их читала чётко, быстро и точно. Теперь наши роли поменялись – не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, ещё раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

– Помоги младшему брату разобрать язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. – Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее, чем казалось издали.

– Слушайте, Лёвушка, я читаю знаки огня, – сказала мне Наталия Владимировна и произнесла:

«Над великими событиями рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет жесткого предела, положенного извне, для часа смерти. Нет и силы, выбрасывающей дух человека обратно в земной мир. Закономерным действием воли самого живущего на земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого движется по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими кажутся людям события земных жизней, проходящие перед их глазами. Всё течёт закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только *знающему* открывается полный Свет, в котором он видит *все* звенья своего и чужих путей.

Величие и смысл жизни и смерти состоит не в видимых телесными очами фактах, но в силе тех потоков любви, которые может человек *из себя* излить или *в себя* вобрать».

Рубиновые звёздочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, который лежал за облаком. Мы старались излить из себя всю любовь, которая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое присутствие Флорентийца настолько объединяло его со всем моим существом, что я не мог различить, где был «я» и где «не я». Я весь слился с моим обожаемым другом. Во мне вдруг появилось ни разу до этого не испытанное мужество. Я почувствовал уверенность и радость оттого, что буду в силах передавать другим помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, и стал абсолютно спокойным. Я понял на деле, что значат слова: «забыть о себе и думать о других». И не менее ясно понял я, *что* такое «освобождённость». Ничто личное теперь не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий и по-новому видел и понимал жизненные пути людей.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими другими событиями, свидетелем которых был раньше. Я благоговел перед новыми открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду.

К нам подошёл Иллофиллион. Облако рассеялось полностью. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы видели вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне. Дартан держал в руках тяжёлую цепь с амулетом, принадлежавшим своему двойнику, и пристально смотрел ему в глаза.

Видя их обоих рядом, я ещё раз убедился в их разительном сходстве, только двойник Рассула был чуть поменьше ростом и волосы его были немного темнее. Несомненно, это были близнецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот лишь напоминал Дартана. Злобное выражение лица этого великана, его глаза, мечущие молнии, и всё его возбуждённое поведение очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к Дартану, то увидел, что его лицо хранит твёрдое спокойствие и печаль. Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. Иллофиллион подвёл нас ближе к ним и поставил между Али и собой.

– Друг мой, мой бедный брат, – снова заговорил Раданда. – Я всем сердцем прощаю тебе всё то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твоё духовное видение. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Всё, всё я прощаю тебе и молю Великую Мать и всех её служителей защитить и помиловать тебя от всех печальных последствий, которые ты вызвал к жизни за годы пребывания здесь.

Не *ты* виновен, что я проявил слабость и допустил своей излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и установить для тебя внешнюю дисциплину, видя, что ты не способен достичь самодисциплины. Я же всё верил и надеялся, что, живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдёшь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не выполнил приказание Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашёл нужного тебе занятия в жизни. Ты был мне поручен, и я не сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой!

Лицо великана выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоящего, ядовито улыбался, но молчал.

– Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Светлыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, – заговорил Рассул. – Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности для такой деятельности, которую ты сам хотел бы избрать себе. Но, даже окружённый доверием и любовью, ты занимался лишь тем, что искал недостатки

в окружающих. Перечисляя их тёмные пятна, ты обманом ввёл сюда свою несчастную жену и своего мёртвого теперь друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: я бессилен в этот третий раз помочь тебе. Больше я не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и Иллофиллиона и можешь рассчитывать только на собственные силы.

В последний раз я, грешный Рассул, могу ещё умолить Светлое Братство об одном: защитить тебя от посмертного преследования тёмных сил, предоставив тебе такой угол на земле, где бы ты, в непрерывном труде и суровой дисциплине, мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты мечтаешь, и не потому, что тебя кто-то здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запяtnал злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу. Или ты поедешь в тайную Общину, спасённый в последний раз Милосердием; там ты будешь вылечен и пригодишься долгими годами тяжёлого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, на лице его отразилось невыносимое страдание, по тёмной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он её смахнул и продолжал голосом таким тихим, нежным и скорбным, услышать который от этого великана я никак не ожидал. Мне казалось, что мощи этого человека и предела нет.

– Или ты умрёшь здесь, сейчас, и тёмные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно статуя, и всю его внутреннюю борьбу отражало лишь его лицо. При всем мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердного из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к этому несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном. Он взял одну его, лишённую движения руку, и положил её ему на сердце, поддерживая её своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку грешника ему на лоб.

– Взгляни на стену, – произнёс он. – Там ясно видна картина того, что ждёт тебя, если ты умрёшь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддерживала, он рухнул бы снова на пол.

– Не медли, – сказал Али. – Ещё минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай!

Еще одна судорога потрясла тело несчастного, ещё один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и буквально выдавил из себя хрип:

– Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец перестал поддерживать руки несчастного, и они упали, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

– Тебе, нарушителю покоя всюду, где бы ты ни поселился, Великая Жизнь даёт в последний раз Свою защиту: ты будешь немой и глухим до тех пор, пока в сердце своём не найдёшь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезным другим людям, к которым ты сам станешь доброжелательным. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, к тебе начнут возвращаться речь и слух, – заговорил снова Али, и голос его походил на гром. Он продолжал:

– Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, всё время помни картину, которую показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезёт надёжная охрана, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословлённый, призывай имя моё в минуты невыносимого внутреннего разлада, и я разделю бремя твоё, облегчу тяжесть твоих страданий!

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу:

– Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил её, – обратился он к Беньяжану. – Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию земле. Ты украл цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни – прежде чистого жёлтого цвета – стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слёзы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней ты сможешь судить, близишься ли ты к освобождению. С каждым малейшим твоим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прекрасный жёлтый цвет.

Лёвушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, – закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жёг мне руки и казался таким тяжёлым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку.

Когда я возвратился на своё место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять, так дрожали мои ноги и стучало в голове.

– Ясса, – услышал я опять чёткий и сильный, но уже не громоподобный голос Али. – Ты поедешь начальником конвоя и отвезёшь в тайную Общину этого человека. Возьми десяток братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и всё время в пути будь рядом с ним. Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костёр, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем обратно. Обратно езжай через скалы в пустыне и через маленький оазис чёрных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его беспомощно висевшую руку, плотно обернул плащом его громадную фигуру и пошёл к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, ступавшего так тяжело, точно шла целая рота солдат.

Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжёлые шаги этого человека были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрёл.

– Подойдите ко мне, – услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталия Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка настолько, насколько может быть близкой мать или сестра. И если бы она повела меня в пустыню, а не к Али, я пошёл бы за ней всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной нет никого, кроме Али, Иллофиллиона, Наталии Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

– Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Всё, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при новых встречах почувствуешь, что *можешь*, – действуй.

Но никогда не превышай своих сил. И где *указана* граница – не преступай её никогда. Учись понимать, что если ты будешь переоценивать свои силы и выходить *за рамки, указанные* тебе, то, несмотря на твои благие намерения, вместо помощи ты будешь приносить только лишние бедствия и страдания в мир. Приходи быстрее к новому знанию, ибо мир не ждёт. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нём.

Али обнял Наталию Владимировну, она точно утонула в исходящем от него снопе огня, который так ослепил меня, что я невольно закрыл глаза руками. Я почувствовал, что Иллофиллион нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращённый ко мне:

– Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на кусты розовых магнолий и чёрные клены. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или чёрные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что ты знаешь мало, неси слово своё, ибо оно всегда будет словом Светлого Братства.

Али притянул меня к себе, и я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня...

Я очнулся на руках Иллофиллиона, который вносил меня в мою комнату.

Глава 3

Школа. Я передаю письмо Франциска. Знакомство с жителями скита. Старец Старанда

Несмотря на то, что я пришёл в себя ещё на руках Иллофиллиона, я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что новые звуки, неожиданные для меня, – это гудящие удары большого колокола, а толчки – усердное торможение меня моим дорогим Этой.

Птица явно беспокоилась, перебегала от моей кровати – узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса – к дверям комнаты Иллофиллиона, как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил и в одно мгновение чётко вспомнил всё происходившее прошлой ночью. Должно быть, мой физический организм был ещё недостаточно закалён для подобных переживаний, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде лёгкой тошноты. Как мне не доставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудесного Яссы, который, конечно, привёл бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего мне следует начать свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к Иллофиллиону неумытым и толком не одетым, я схватил полотенце и хотел бежать в душ, как дверь комнаты Иллофиллиона открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

– Что, мой дружок, ты не очень хорошо себя чувствуешь?

– Что я не очень хорошо себя чувствую – это верно, мой дорогой Иллофиллион, но это пустяки, – ответил я. – А то, что я, будучи келейником-секретарём, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. Этим утром я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

– Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для первой общей еды. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на отдельные участки, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, а потом приberi обе наши комнаты, надень чистую одежду и после этого обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с его начальником.

Иллофиллион ушёл к себе, я же побежал с Этой в ванную. У меня был большой соблазн несколько поменять порядок данных мне поручений. Я опасался, что все наши друзья, так же, как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания Иллофиллиона были для меня законом любви, и я не решился вносить в них какую-нибудь отсебятину.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки; у обеих в руках были букеты цветов. Я

удивился свежему виду обеих женщин и отсутствию всякой усталости на их лицах. Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Наталии Владимировны, так много подмечавшие, заметили и мою усталость, и моё общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к Иллофиллиону, я увидел его сидящим за письменным столом и углублённым в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я прибрался в его комнате, в которой, кстати сказать, и убирать-то было почти нечего, так как всё в ней было абсолютно чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и времени сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей ещё безмятежно спали и приказ Иллофиллиона был для них словно гром с ясного неба. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чём торопиться. Игорю всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя подготовиться к выходу.

Обежав оба этажа, я ещё раз пригладил свои непокорные локоны перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все завязки на одежде и обуви и вышел на крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей дома. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но вместе с тем не знал, как и чем им помочь. Слава Богу, Бронский и Игорь пронеслись вихрем обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и с радостным криком помчался за угол дома. Я не понял, куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли Лалия, Нина и Терезита. Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все участники нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях показался Иллофиллион, все были в сборе.

– В той трапезной, куда мы сейчас пойдём, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость *утверждения*, уверенности, что Жизнь защищает живущих здесь людей, давая им все возможности достичь совершенства именно в тех обстоятельствах, которые необходимы *им*. Какими бы трудными и тяжёлыми ни показались эти обстоятельства вам, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в *вечные* пути людей. В этих внешних условиях выражена вся забота тружеников Вечного Милосердия о каждом человеке. Старайтесь не умом раскидывать, *что* из здешних обстоятельств вы хотели бы облегчить, устранить, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, *что* такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом *Вечном* и несите Ему привет сердца в видимых формах мелькающего перед вами *сейчас*.

Едва Иллофиллион произнёс эти слова, как к крыльечку подошёл брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

– Мой настоятель шлёт тебе, Учитель, привет любви и мира. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утренней трапезе, которую ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, что ему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряжённое внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд Иллофиллиона скользнул по фигуре артиста, и он ещё раз громко сказал:

– Помните о том, что я только что вам говорил.

Иллофиллион отдал поклон присланному брату.

– Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат ещё раз поклонился нам и пошёл вперёд, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я всё больше поражался размерам территории Общины. Она действительно была громадна. А сад походил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нём было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдаль мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тонкого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образовывавшего нечто вроде большущих рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплётках, но раздумывать было некогда. Подойдя ещё ближе к прозрачному дому, я заметил много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей её вышел навстречу нам высокий человек в чёрной монашеской одежде, с чётками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Его каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался Иллофиллиону во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь Иллофиллиону, он сказал:

– Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдёшь в столовую моего участка. Будь благословен. Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств того, когда, где и как ты спасал людей – такое множество их ты спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, – обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

Иллофиллион обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но кожа их загрубела от физической работы и была покрыта мозолями и ссадинами.

– Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен. Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных слугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо ответил:

– Так пойду, как поведёшь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, которых ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжёлым трудом. Но теперь уже давно всё понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя!

Он ещё раз поклонился и ввёл нас в зал – стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел Иллофиллион, он сел рядом с ним, и только тогда множество раньше нас вошедших в столовую людей опустились на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода десять сестёр и братьев, несших своё дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как с места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стёкла, обрамлённые узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радость. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льётся, и им же втягивается, волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за

столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем я не мог сравнить этого приёма. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и признавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети лет восьми – двенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица весёлые и добрые, глаза, радостно и спокойно светившиеся. Я взглянул на брата, подававшего еду на наш стол. Это был тот самый брат, который приходил за нами посланником от Всеволода. Его лицо всё так же сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых Иллофиллион направил конвоирами буйного всадника, встреченного нами в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за которую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест усердно, чтобы не смущать никого из тех, кто обладал хорошим аппетитом. Каша была вкусная, сладкая – из чего она, я разобрать не мог, да, пожалуй, никогда такой и не пробовал. Но тем не менее я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом проглотил несколько ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом Иллофиллиона. Мне было так трудно есть, что на последний настойчивый взгляд Иллофиллиона я мысленно ответил ему его же фразой: «В пути не надо много есть». Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла. Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и наш стол. Сидевшая рядом со мною Андреева так же, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко шутиливо говаривала обо мне в Общине Али, что единственное наше с ней сходство – прожорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили большие кувшины с молоком. Несмотря на то, что руки брата, подававшего еду на наш стол, были изуродованы – на правой не хватало мизинца, а на левой – средних пальцев, он делал всё быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика. Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой её формой. Высокая, из тонкого фарфора, как мне показалось вначале, она на самом деле была стеклянной и переливалась жёлто-голубыми, розовыми и фиолетовыми красками. На ней ярко выделялся рисунок – роза и несколько небрежно брошенных фиалок. Посмотрев на чашки соседей, я увидел, что форма у всех чашек одинакова, но рисунок разный. Я восхитился талантом мастера, который мог достичь в пустыне такой высокой художественности.

Завтрак закончился, Всеволод поднялся с места, поклонился Иллофиллиону, поклонился всем нам и, повернувшись лицом к другим столам, поклонился всем присутствующим.

– Друзья и братья! Сегодня среди нас тот дорогой Учитель, всем нам друг и спаситель, к приезду которого я вас подготавливал. Для многих из вас его приезд не только радость и счастье свидания с человеком, которому почти все мы обязаны спасением жизни. Это также и *зов к новой жизни*, к новой форме внешнего труда. Для многих из нас настало время перелить в *действие* те сокровища духа, которые мы выработали и накопили здесь в своих сердцах. Здесь мы закалились, пора теперь трудиться среди мирской суеты для общего блага людей. Не огорчением от разлуки с теми, к кому мы здесь привыкли и кого полюбили как ближайших друзей и сотрудников, должны мы ответить на призыв Учителя к новым формам труда и к новым местам жизни. Но радостью, что, призванные им, а в его лице – всем Светлым Братством, мы *можем* начать в иных местах жизнь единения с ближними в красоте, в действенной любви и доброте сердца. Слушайте же сейчас в полном мире и внимании слова нашего дорогого, великого друга, брата и Учителя.

Всеволод ещё раз поклонился Иллофиллиону и сел на своё место. Иллофиллион встал, окинул взглядом всех, не исключая и нас, и я снова испытал под этим взглядом необычайное состояние, когда кажется, что речь обращена только и именно к тебе одному. Взглянув на лица окружающих, я понял, что каждый испытывает точно такое же чувство – словно всё внимание Иллофиллиона направлено только на него одного.

– Мои добрые друзья, мои верные сотрудники! Давно, очень давно имела место первая моя встреча с каждым из вас. С одними раньше, с другими позже, но со всеми без исключения очень давно я встретился впервые. Каждый из вас знает сам, как тяжело он страдал до момента встречи со мной. Каждый помнит хорошо, из какой адской муки он был вырван и укрыт мною здесь. Но, друзья мои, мои дорогие дети, так горячо посылающие свою благодарность и любовь сейчас мне и посылавшие их мне всё время, я ли причина вашего теперешнего достижения? Или вы сами, своим трудом, нашли в себе силы и умения *освободить* своё сердце, *раскрепостить* свой разум от предрассудков и тем помочь душе своей загореться и сжечь все условности, все иллюзии, мешавшие ей проявить себя в огне и духе? Не я, но вы сами, друзья мои, причина вашего освобождения. Вы сами – золотоискатели, откопавшие *в себе* груды сокровищ, на первом месте среди которых стоит незыблемый мир как следствие вашего умения *жить* в Вечном, нося *Его* в своей временной форме и приветствуя *Его* же в каждом встречном существе. Сейчас для многих из вас пришла новая радость: *поделиться* добытыми сокровищами с теми несчастными детьми земли, которые не имели ни сил, ни возможности – ибо воля их молчала – обратить свой взгляд внутрь себя. Ваша новая задача – при *всякой* встрече с новыми людьми, где бы и при каких обстоятельствах эта встреча ни происходила, – *вовлекать* их в свою ауру, успокаивать *их* страдания и развивать в них *самостоятельность в труде*. На чём должна основываться эта самостоятельность? Я призываю пробуждать и закалять в людях самостоятельность, основанную на высочайшей чести и честности, примером которых вы уже имеете силы *быть*. На полной *правдивости*, которую вы можете *вносить* в ваши новые отношения с людьми. На полном *бесстрашии*, которое развилось в вас как результат *привычки жить* в Вечном, и эту *привычку* старайтесь *в них* тоже развить и укрепить.

Перед вами дорога гигантов, дорога Вечного, зовущего вас к труду и действию *с Ним*. Не поддавайтесь же мелочности чувств. Не давайте сердцу обрастать плотью и кровью временного, но действуйте теми сторонами вашего существа, где *каждая* клетка так напитана светоносной материей солнца, что плоть и кровь стали лишь остовом ей, а не сутью, стержнем вашей энергии.

Для *каждого* человека наступает момент его испытания. И для каждой материи Вселенной есть момент испытания её прочности и сопротивления как пригодной к тому или иному роду мирового строительства. Земное человечество не может быть исключением из общего закона Вселенной, как и всякая её материя, одухотворённая или ещё ожидающая одухотворения. Момент испытания ученика – это момент величайшей радости. Самоотвержение его – это не та или иная форма отречения, а *утверждение Жизни*, утверждение её сил в каждой встрече. Дошедший до *такого* самоотвержения несёт всюду радость, ибо уже прошёл все те стадии, когда личное восприятие момента могло нести горечь. Для вас нет уже ни времени, ни пространства как таковых – для вас есть *чудо Жизни*, идущей *по земле*, славить которую, раздувать её искры и очищать в каждом встречном вы призываетесь.

Я приветствую вас в этот миг вашей жизни, в великий поворотный момент, когда моей рукой Светлое Братство вручает вам ключ для новых дверей. Им вы сможете раскрыть двери сердца встречного, помогая ему *выйти* из жизни узкой – в условных законах одной земли – и *перешагнуть* в жизнь широкую *всей* Вселенной, в единение с трудом всего человечества неба и земли, живущего по законам целесообразности.

Не судите отныне ничью *видимую* жизнь. Вы знаете, что величие вашей жизни составляло и составляет то, что *невидимо, неосознано и невесомо*, но что заставляет сиять всё плотное, видимое и весомое в вас и вокруг вас.

Идите же в мир суеты, мои дорогие. Идите весело, просто, легко. Идите бесстрашные, уверенные, и вы всюду и всё победите, ибо будете побеждать, любя и зная. Мир вам моими устами шлёт всё Светлое Братство. Будьте благословенны!

Иллофиллион высоко поднял руку и благословил всех, стоя слушавших его слова. Мне показалось, что во всех направлениях, куда был обращён жест Иллофиллиона, вылетали большие снопы огня, прирастая к аурам людей и зажигаясь в них огненной звёздочкой. Несколько минут длилось чудесное молчание. Оно захватило всех, точно мощь великой торжествующей песни. Я снова испытал незабываемый момент единения с Жизнью, со всеми её видимыми формами. Я ещё раз понял, какую мощью обладал Иллофиллион, раскрывая сердца людей к прекрасному.

Всеволод приказал братьям отворить дверь, и все стали выходить из столовой, отдавая поклон Иллофиллиону, Всеволоду и нам. Когда последний брат вышел, Всеволод обратился к Иллофиллиону:

– Не желаешь ли, дорогой Учитель, осмотреть мастерские, швальни⁸, ремесленные училища и школу, а также больницу моего участка? Быть может, я недостаточно высоко поднял ремёсла и образование, хотя я и старался точно придерживаться указанных мне тобой путей и методов. Некоторые из цехов, вроде цеха стеклянной небьющейся посуды и оконных стёкол, мне пришлось перенести в оазис темнокожих, так мне приказал Раданда. Быть может, ты соблаговолишь съездить и посмотреть их там?

– Непременно, мой друг, в ближайшие же дни. Но сегодня я разделю свою группу людей. В школу твою я пойду сам и возьму с собой только моего келейника Лёвушку и приближённого ученика Али Наталию. Остальные мои друзья, среди которых позволю тебе представить артиста с мировой славой, Бронского, пойдут осматривать твои ремесленные мастерские и заводишки. В них Бронский, Никито и все остальные спутники найдут, что посоветовать твоим мастерам, продвинув их в изяществе и тонкости вкуса, и кое-чему поучатся и сами. Вот, представляю тебе двух специалистов библиотечного дела, знаю, что ты отстаёшь в этой работе. Они помогут тебе разобрать новый караван с книгами, который тебе уже послал Али. Не беспокойся, они всё уладят, дай им только помощников, лучше всего старших школьников. И старые книги разберут, и новым место найдут. А эта сестра привезена мною специально для создания яслей и детских домов. Придётся совсем по-новому организовать это дело. Она останется здесь и получит и помощников, и указания. Сейчас дай ей провожатого, чтобы она могла обойти часть детских помещений.

Всеволод распорядился сделать так, как ему указал Иллофиллион. Мы отделились от наших друзей и пошли за Всеволодом. Дорога шла долгое время садом, который становился всё более похожим на лес и, несомненно, когда-то им и был. Тут и там встречались дома, люди и группы детей. Разнообразие пород деревьев не только меня удивило, но я даже и не предполагал, что такие гиганты могут расти в садах.

Мы дошли до озера, и здесь картина природы и жизни людей резко изменилась. Лес перешёл в кустарник, зелёной травы уже не было видно, как и твёрдой почвы. Среди глубокого, блестящего и мелкого песка, напоминавшего песок пустыни, в котором рос этот кустарник, были проложены утрамбованные дорожки, ведущие к разным домам, напоминавшим своим видом бараки или мастерские. Слышался стук молотков, лязг пилы, у некоторых строений люди в лёгких рабочих костюмах стругали доски, а у других приносили мелкий камень, соби-

⁸ Швальня – портняжная мастерская. – Прим. ред.

рали деревянные столы и кресла, мастерили колонны из дерева. Кипела самая разнообразная жизнь.

Мы свернули, оставляя позади озеро и мастерские, и вышли на довольно большой остров, где рос молодой кедровый лес и было выстроено несколько красивых домов. Мы вошли в одно из зданий, оказавшееся школой, как раз в ту минуту, когда раздался удар гонга и из многочисленных дверей в широкий коридор выскочили со смехом и шумом дети лет восьми – тринадцати.

Увидев Всеволода, они чинно выстроились у стен, но их сияющие, весёлые мордашки, видимо, ждали только разрешения изменить этой чинности и броситься к своему любимому настоятелю.

– Нет, нет, на этот раз «вольно» не будет произнесено, – смеясь, сказал Всеволод. – Будьте любезными хозяевами, вежливыми и приветливыми, познакомьтесь с гостями, которые проделали трудное путешествие по пустыне, чтобы навестить вас. Вот я и посмотрю, хорошо ли мы сумели вас воспитать и насколько все вы вежливые кавалеры и дамы, – всё улыбался Всеволод.

Личики детей стали необыкновенно серьёзны. Они тихо и быстро разбирались на группы, по десятку в каждой, и во главе каждого десятка выдвинулись мальчик или девочка, как я понял, нечто вроде старосты десятка.

Одна из девочек вышла вперёд, подняла в знак приветствия руку и поклонилась нам. Её примеру последовали все дети. Глазёнки их горели, они с любопытством смотрели на нас. Та же девочка, выступившая вперёд, сказала:

– Я дежурю сегодня и приветствую вас, дорогой отец настоятель, и вас, любезные гости. Добро пожаловать! От лица всех школьников приветствую дорогих гостей, оказавших нам честь своим посещением. Всё, что мы сможем сделать, чтобы развлечь вас, мы сделаем с радостью. Правда, – девочка слегка замялась, – мы ещё мало что умеем. Но всё же мы умеем петь, танцевать, делать гимнастику и изображать жизнь кукол и зверей.

Всеволод весело засмеялся, погладил девочку по её кудрявой головке и ответил поклоном на приветствие детей.

– Пожалуй, все ваши артистические фокусы вы покажете дорогим гостям потом. Сейчас постарайтесь блеснуть своей учёностью. А пока, так и быть: вольно!

Что тут поднялось! В один миг Всеволод исчез под грудой детских фигурок, напомнив мне, как исчезал под фигурами детей и карликов Франциск. Высокий посох Всеволода, как драгоценное сокровище, держали чуть ли не десяток ребят, с головы его был снят клобук, и с величайшей осторожностью дети держали его в руках, пока остальные висели на своём настоятеле, наперебой рассказывая ему последние новости из своей детской жизни.

К Иллофиллиону подошла группа детей, внимательно и осторожно рассматривая его, точно они не могли оторвать глаз от его лица. Он ласково погладил их по головкам, задал им несколько вопросов – и лёд их чинности растаял мгновенно.

– И с вами тоже можно «вольно»? – спросил премилый мальчуган, боязливо подходя вплотную к Иллофиллиону.

Иллофиллион рассмеялся так весело и заразительно, что я не мог не залиться смехом и тут же сам потерял всю свою чинность.

– Вольно, вольно, – продолжая смеяться, ответил Иллофиллион и погладил мальчугана по голове. – Но я ведь уже старый дядя, а вот мой келейник Лёвушка очень любит пошутить и посмеяться. Хватайте его и покажите ему свой сад, – указывая на меня, сказал он окружающим его детям.

Я не успел и опомниться, как целая орава ребят схватила меня за руки и утащила в сад. Там они показали мне своё маленькое хозяйство. У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых. Тут же, немного

поодаль, был сооружен тёплый домик, где жили щенки африканской породы, чёрные, совсем без шерсти. Несмотря на жару, им было холодно, и дети укутывали их в ватные попонки.

Время перемены промелькнуло быстро, раздался удар гонга, и вместо шумной ватаги ребят, где каждый, перебивая другого, спешил вылезти вперёд и рассказать что-то особенное, интересное, передо мной появился стройный отряд дисциплинированных маленьких людей, в полной тишине входивших обратно в двери школы.

Я не видел Андрееву и не знал, как совершилось её знакомство с детьми. Но во время своей возни с ребятами я заметил её в группе детей, лица которых были особенно радостны. Я подумал: чем могла так привлечь к себе детей обычно резковатая в обращении Наталия Владимировна? Тут я заметил в её руках красивый мешочек из пальмовых волокон, в который я так усердно старался упихать её корабельные товары в оазисе Дартана. Окружавшие ее девочки с восторгом гляделись в маленькие зеркальца, мальчики с не меньшим упоением разглядывали свои свистульки и прочее. Но заниматься наблюдениями было некогда, раздался второй удар гонга, по которому дети должны были привести себя в полный порядок, а третий удар должен был застать их уже сидящими за партами.

Войдя опять в здание школы, я увидел в коридоре Иллофиллиона, окружённого учителями и учительницами. Он держал на руках малыша из той группы детей, которая сразу же окружила его. Когда я присмотрелся к ребёнку, то узнал в нём того самого мальчика, матери которого я должен был передать письмо Франциска. Я видел её и ребёнка в тот час, когда Франциск писал свои письма и соединил меня со своей мыслью. Малышка прильнул головкой к плечу Иллофиллиона, нежно гладил его по щеке и говорил:

– Дядя, скажи, отчего ты такой красивый? Ну совсем как у мамы ангел на картинке. Знаешь, я ведь тебя часто видел во сне, – бормотал мальчик, точно засыпая.

Иллофиллион ласково прижал к себе ребёнка.

– Мальчик, Лёвушка, уже болен. Но пока это ещё мало заметно. Скоро болезнь резко проявится. Возьми его, он уже засыпает. Отнеси его сам к матери. Там и письмо Франциска ей отдашь, и выполнишь сам его приказание. Ты пойдёшь мимо своей кельи и захватишь письмо. Пожалуйста, Всеволод, дай Лёвухе провожатого, пока я буду наслаждаться мудростью твоих детей и твоими воспитательными и методическими талантами.

Я взял ребёнка на руки. Всеволод дал мне в провожатые одну из сестёр-уборщиц с добрым, ещё молодым и приятным лицом, одетую в очень милое коричневое платье, белый чепец и белый же передник безукоризненной чистоты. Сестра пошла со мной, захватив для заболевшего ребёнка его завтрак. Ноша моя была тяжела: жара уже ощущалась сильно, а тело мальчика казалось мне огненным. Мы дошли до нашего дома, я положил мальчика на свою постель, достал пакет с письмами Франциска и сказал сестре-провожатой:

– Как вы думаете, сестра, не повредит ли мальчику, если я немного задержусь и приму душ? Мне кажется, что я весь горю от знойного воздуха.

– Нисколько не повредит. Я с ним посижу и буду обмахивать его пальмовым листом. С непривычки вначале наш климат всем тяжёл, потому-то у нас и устроены души в очень многих местах. Пока мы будем идти, встретим их немало. Вы сможете ещё раз освежиться холодной водой, если захотите. Все, кто приезжает к нам, не могут выдержать первое время нашего зноя, но постепенно втягиваются и перестают его замечать.

Не медля, пока сестра ещё договаривала последние слова, я схватил полотенце и помчался в душ, в сотый раз вспоминая мою дорогую, нежную няньку, моего друга Ясса. Где Ясса? Как он едет? Скоро ли вернётся? Мысли мои, любовные и благословляющие, мчались за ним, а сердце моё гордилось оказанным ему высоким доверием и сострадало его тяжёлому пути по пустыне...

Душ меня воскресил, и мы вскоре бодро зашагали по тенистой аллее. Теперь ноша моя не казалась мне такой тяжёлой, хотя тело мальчика было очень горячим. Раза два сестра указывала

мне на небольшие домики-души, очень мило сложенные из белого камня, и предлагала мне ещё раз освежиться. Но я ещё не изнемогал от жары и шёл бодро, хотя и не мог понять, где же конец нашему путешествию. Лес стал гуще. Мы шли уже более получаса, встречали стоявшие одиноко и группами домики. Я нигде не видел ни стен, ни ворот, через которые мы въехали в Общину. Также не видел я ни конюшен, ни фермы, а ведь где-то здесь они должны были быть. Мои размышления прервала сестра, указывая на небольшой, отдельно стоящий дом.

У открытого окна я увидел женскую фигуру, склонённую над шитьём чего-то крупного, белого. Женщина, заслышав мои шаги и голос моей спутницы, подняла голову, и я сейчас же узнал в ней ту самую, образ которой видел в мыслях Франциска.

Увидев своего сына у меня на руках, она торопливо отбросила работу и вышла нам навстречу, распахнув настежь дверь своей комнаты, большой и светлой. Она впиалась глазами в личико своего ребёнка. Страстной любви и беспокойства той силы, какая выражалась на лице женщины сейчас, не было на том её образе, который сохранился в моей памяти. Не поддаваясь ни на миг силе волнения женщины, я звал всем своим усердием Франциска. Я помнил его наставление относительно того, в каком состоянии должен был быть я сам, чтобы иметь и силу, и дерзновение прикоснуться к личику ребёнка тем священным лоскутом материи, который он вложил в своё письмо.

Уложив ребёнка на постельку, я поблагодарил свою провожатую и отпустил её, уверив, что найду дорогу обратно сам, в чём, впрочем, был далеко не уверен.

– Перестаньте плакать и волноваться, дорогая сестра, – сказал я матери, стоявшей на коленях у изголовья сына. Я привёз вам письмо и привет от Франциска.

Не успел я произнести имя этого чудесного человека, как женщина вся преобразилась. Слёзы ещё катились по её щекам, но глаза засияли, и губы сложились в улыбку.

– О, какое счастье, значит, всё будет хорошо и мой дорогой сыночек выздоровеет. Будьте дважды благословенны: и за то, что вы принесли мне моего дорогого мальчика – а я хорошо знаю, какая это тяжкая ноша в такую удушливую жару, – и за то, что вы принесли мне весть, которую я считаю божественным милосердием. Я не знаю никого милосерднее и добрее великого Учителя Иллофиллиона, спасшего меня от злодеев, и брата Франциска, помогшего мне понять смысл моей многострадальной жизни, научившего меня своей добротой примириться со всеми несчастьями, благословить их и освободиться от их давящей муки. Встреча с ними – *вся* моя жизнь. Я не только поверила их святой жизни – я захотела следовать за ними всей верностью моего сердца. Их помощь, их милосердие, их любовь – это *вся* святость, которую я имею в жизни. Я приветствую вас, дорогого вестника, и благодарю вас за счастье, потому что выше радости, чем письмо Франциска, вы мне дать не могли.

Я вынул из своего большого кармана сумку, в которую Франциск вложил свой красный платок с письмами. Я взял в руки этот священный для меня пакет и молча сосредоточил все мои мысли на том моменте, когда Франциск молился у красной чаши о чистоте своих рук прежде, чем сел писать письма. Я старался мысленно соединиться с его сердечной добротой, призвал имя моего великого покровителя Флорентийца и только тогда достал его письмо с лоскутом.

– Франциск приказал мне обтереть вашего больного сына тем лоскутом, который он вложил в конверт, если я буду в силах слиться с его добротой и любовью. Я всеми силами собственного сердца стараюсь соединить с ним свою волю и призываю его мощь, моля его присоединиться к моим слабым силам. О, если бы вместо моей слабой руки вашего сына коснулась рука Учителя Иллофиллиона, как был бы я счастлив! Я был бы уверен, что миссия Франциска будет выполнена, что ваш милый мальчик будет здоров не только сейчас, но и навсегда.

– Дорогой брат, что же мечтать о несбыточном? Учителя Иллофиллиона, благословенного моего спасителя, не может быть здесь сейчас. Если бы он здесь был, всем сердцем верю, он навел бы меня. Когда он привёз меня сюда более семи лет назад, он приказал мне жить в полном уединении и даже не выходить к общим трапезам. Я так и делаю. И все эти годы я

была счастлива, спокойна. Всё шло хорошо. Но вот стал подрастать мой сынок и теперь часто спрашивает меня, почему мы не ходим в трапезную, как делают его сверстники. И я не знаю, что ему отвечать. Все годы моего безмятежного счастья и мира здесь теперь сменились днями сомнения и слёз. Неужели мой грех падёт на моего ребёнка? Неужели его невинное детство омрачится какой-то отъединённостью от всех других? Он такой впечатлительный и нежный мальчик. Он часто бывает молчалив и задумчив, печально смотрит куда-то вдаль, точно пытается разрешить в своей детской головке недетские мучительные вопросы...

Не будем же мечтать о чуде, которое невозможно. Мой дорогой брат, будем действовать. Чисты ваши руки, чисто ваше сердце, если Франциск послал вас своим гонцом. Соединим наши молитвы, и оботрите моего сына бодро, в бесстрашии и радости. Нет счастья выше той помощи, какую один человек может оказать другому, являясь для него вестником радости от великого Светлого Братства.

Мы опустились на колени у изголовья больного мальчика. Я старался понять великую силу материнской любви, забывающей страх и сомнения, забывающей совершенно о себе и помнящей только нужду быющего часа жизни ребёнка и интуитивно проникающей в Мудрость, указывающую путь к помощи.

Я погрузился в мысли о Флорентийце, я звал Иллофиллиона, я молил его услышать мой зов. Не знаю, долго ли длился мой экстаз мольбы, но очнулся я оттого, что женщина схватила меня за руку и испуганно вскрикнула:

– Что это? Может ли это быть? Или я брежу?

Лицо её было бледно, встревоженно, рука, которой она меня схватила, была холодна. Весь вид её, взволнованный, растерянный, даже несчастный, вызвал в моей памяти образ бедной беспомощной Жанны, когда я впервые увидел её с двумя маленькими детьми, которых она обнимала, сидя на палубе парохода. Вытолкнутый внезапно из моего глубочайшего экстаза, точно сорванный с вершин и брошенный на землю, я не мог сразу понять ни её слов, ни причины её беспокойства. Оглянувшись по направлению её неподвижного взгляда, я увидел Иллофиллиона, стоящего в дверях и ласково улыбающегося нам.

– О, Иллофиллион, дорогой мой друг и Учитель! Вы услышали мой зов, мою мольбу, – бросился я к нему и обнял моего милосердного покровителя.

– Я пришёл, Лёвушка, чтобы навсегда объяснить тебе *первое* ученическое правило: «*Всегда будь готов*». Оно неизменно для всех веков, всех миров Вселенной и для всех человеческих сознаний, в какой бы форме и атмосфере, в какую бы эпоху они ни жили, если они идут ученическим путём. В полном бесстрашии, в полной уверенности надо выполнять задания Учителя, как бы и кто бы тебе их ни передал. Сосредоточь мысль свою, как тебя учил Франциск, возьми его лоскут и оботри мальчика. Исполняя *всякое* поручение Учителя, *можно* выполнить его, только совсем забыв о себе, о *своих* личных качествах, и думая лишь о том человеке, к *которому* послала тебя любовь Учителя. Возьми в руки письмо, объедини свою энергию с добротой Франциска и оботри лицо мальчика. Помни, что только радость и уверенность могут составить тот чистый мост, по которому *прольётся* исцеляющий ток силы *того, кто* послал тебя своим гонцом.

Я взял конверт из рук безмолвно стоящей женщины, прижал его к устам и сердцу. Я ощутил необычайную теплоту и аромат, исходившие от письма, и само письмо показалось мне светившимся. Я вынул из конверта лоскут, вид которого я отлично помнил, – он был красновато-оранжевого цвета, когда его подавал мне Франциск. Теперь же он казался мне пылающим; будто частицу огня я держал в руке. Но в моём состоянии восторга, высшего вдохновения и счастья я едва обратил на это внимание.

Вновь став на колени у изголовья больного, я обтёр его личико будто пылавшим лоскутом и перекрестил им его, произнеся: «Блаженство Любви, Блаженство Мира, Блаженство Радости, Блаженство Бесстрашия да обнимут тебя». Я взял ручки мальчика и протёр его ладони, затем

обтёр его тельце и ножки, заметив при этом, что огненный лоскут становится всё меньше и меньше, и после того, как я обтёр ступни ребёнка, огонь окончательно растаял в моей руке. Окончив свою работу, я встал с коленей.

Иллофиллион осторожно закрыл кроватку мальчика лёгкой кисеёй и, повернувшись к матери, сказал:

– Почему ты так удивлена, мой милый друг Ариадна, моим появлением? Разве я не обещал тебе, что приеду? Разве ты забыла, что я обещал тебе встречу, если ты выполнишь все условия, которые я тебе поставил, не как иго и бремя, а как радость, видя в них защиту тебе и твоему сыну? Ты выполнила всё, даже плакать было перестала, вспомнив об этом милом занятии только в самое последнее время.

Иллофиллион ласково улыбался, и в глазах его поблёскивали те юмористические искорки, которые были мне так хорошо знакомы. Ариадна всё ещё стояла будто в столбняке, очевидно, считая появление Иллофиллиона в её доме величайшим чудом из чудес, объяснения которому она не находила.

– Полно, друг, приди в себя. Нет чудес на свете, есть только ступени знания и ступени духовного развития человека. Чем выше в нём любовь, тем дальше он видит и тем ближе ощущает свою тесную связь с людьми и их путями. Когда ты впервые увидела меня, ты так же считала чудом нашу встречу. А между тем она была тогда, как и теперь, только результатом *твоего* созревшего духа, который мог тогда и может сейчас продвинуться на новую, высшую ступень духовного познания. Очнись и выслушай внимательно всё, что я тебе скажу.

Иллофиллион отвёл женщину от постели ребёнка, усадил её на стул в глубине комнаты, велел мне сесть рядом и сам сел на скамью.

– В эту минуту, дорогая сестра, ты стоишь на перекрёстке дорог. У каждого человека бывают минуты, когда он подходит вплотную к скрещивающемуся перед ним узлу дорог. Чем ниже развито сознание человека, тем этих дорог больше, тем иллюзорные краски ярче и сильнее увлекают его. И внимание его разбрасывается по многим путям, он не имеет сил выбрать себе те пути, по которым могло бы идти его высшее духовное «Я».

Когда начинается внутреннее раскрытие сердца человека, его желания перестают быть грубыми и многочисленными, он становится способным признать в другом важность и ценность *его* жизни. Дальше он думает уже о равенстве своём с окружающими, и число дорог всё уменьшается. Наконец, *каждый* человек – рано или поздно, тем или иным путём – приходит к перекрёстку *четырёх* дорог: *жажды счастья, жажды радости, жажды славы, жажды знания*. Но все огни на всех дорогах горят одним ярким и коротким словом: «Я». Здесь зарождается первое индивидуальное творчество человека, свойственное ему одному, переносящее его *иногда* в моменты гармонии, то есть вдохновения. Здесь *изредка* он слышит голос своего высшего «Я» и находит счастье в творчестве.

Дальнейший путь приводит *каждого* к перекрёстку трёх дорог: *Счастье, Знание, Мудрость*. К этому моменту каждого человека приводит самоотверженная любовь. Самой разнообразной может быть эта форма любви. Не важна форма, важен дух человека, поднявшийся на высоту самоотвержения и проявленный в его трудовых буднях. Будь то мать, отдающая все силы детям; герой, отдающий жизнь за Родину; деятель, посвятивший свои труды любимой Родине; врач или повар, швея или художник – всё это не имеет значения. Лишь *суть порывов* самоотверженного творчества сердца важна, ибо только *она остаётся* в записи вечного труда человека.

Продвигаясь дальше, человек видит уже две дороги: *Счастье и Мудрость*. И в самом конце пути всё, что он выработал, всё, что он вынес из горнила борьбы и мук его «Я», сливается в *одно* счастье знания: *Мудрость*.

Путь твоих страданий и трудов подвёл тебя сейчас к перекрёстку трёх дорог. Не думай, что кто-нибудь или что-нибудь извне может указать тебе, на которой из них горит Свет. Сами

по себе все дороги темны. Их освещает только Свет в *тебе*. И этот Свет – не признак, по которому *тебя избирают*, но *сила* твоего сердца, раскрывающая тебе все двери. Дорога, на которую вступает каждый, имеет *невидимую* дверь, вводящую дух человека на высшую ступень, и *видимые* всем крушения его внешнего благополучия.

Что же говорит надпись над твоей дверью, чётко видимой мне и не видимой никому другому? Надпись над дверью, закрывающей вход на твою высшую дорогу, гласит: «Пройдена Голгофа, где стопы ног омыты кровью сердца. Входи в общение с людьми, ибо дух твой устойчив и энергия твоя созрела к общему труду, то есть к труду на общее благо».

Теперь в течение нескольких дней мальчик твой будет болен. Тебе придётся посвятить ему всё своё внимание. В уходе за ним изживётся твоя последняя заноза: страх за жизнь сына. В эти дни ты поймёшь, что какой-либо страх – это недостаточная верность Учителю. Будь спокойна, лекарств ребёнку не надо никаких. Он будет почти всё время спать. И что бы с ним ни происходило, даже если бы тебе казалось, что он выглядит как мёртвый, что он не дышит, помни одно: Учитель сказал, что сын твой будет жив. Пока ребёнок болен, ты меня не увидишь, но когда он поправится, я приду и сам поведу вас обоих в общую трапезную. Помни же, храни мир и будь бесстрашна, ибо от твоего состояния в значительной степени зависит урок, проходимый твоим сыном.

Перед тем как попрощаться с Ариадной, Иллофиллион велел мне пойти в ближайший душ и потом вернуться назад в её дом. Я был рад этому приказанию. Я изнывал от жары, а пот катился с меня струями. В душевой я увидел брата, поразившего меня тем, что он точно ждал меня. Он безмолвно взял мою одежду и подал мне свежую, так же как и чистые сандалии. Я только сейчас заметил, что мои сандалии, бывшие безукоризненно чистыми, когда я их надевал, стали серыми от пыли. Мне казалось, что я уже научился ходить, не поднимая ногами пыли; но, очевидно, с тяжестью на руках я ещё не умел ходить легко.

Когда я возвратился к домику Ариадны, она стояла в дверях и смотрела сияющими глазами на Иллофиллиона. Я никак не мог бы признать в этом молодом и очаровательном существе ту женщину, которой я принёс её больного сына, если бы Иллофиллион не стоял рядом с ней. Иллофиллион простился с Ариадной, взял меня под руку, и мы быстро зашагали по аллее.

– Надо торопиться, Лёвушка, сейчас мы пойдём прямо к Раданде, у него пробудем немного и вместе с ним отправимся в трапезную. Там я поговорю ещё с некоторыми братьями и сёстрами, а по окончании обеда помогу тебе разнести письма Франциска. Если успеем, доберёмся и до старца Старанды.

Идти рядом с Иллофиллионом было блаженством. Я и раньше замечал, что внешний вид его был всегда прекрасным, и катящихся струй пота, от которого я так страдал, я на нём никогда не видел. Но сегодня, в эту нестерпимую жару, когда, казалось, каждое дерево жжёт, а не посылает прохладу, от Иллофиллиона шла ко мне, точно от ручья, охлаждающая струя. Только я было приготовился спросить его об этом чародействе, как нам повстречался тот брат-подавальщик, который приходил за нами, приглашая нас в первый раз в трапезную Раданды.

– Отец настоятель послал меня к тебе, Учитель, спросить – не нужен ли я тебе? Не надо ли помочь друзьям твоим в чём-нибудь? Быть может, я могу заменить уехавшего слугу Яссу?

Я пристально смотрел на него, и снова для меня был сюрприз: прежнее трагическое выражение исчезло с его лица. Он улыбался ласково и радостно, точно волшебная палочка унесла всю печаль с его лица. Я протёр глаза, чем насмешил всё подмечавшего Иллофиллиона, и ещё раз убедился, что лицо брата-печальника стало весёлым лицом доброго человека.

– Спасибо, друг, что ты поспешил выполнить приказание отца настоятеля. Я и Лёвушка уже привели себя в полный порядок. Но вот о чём попрошу: зайди к нам в дом, оповести всех, чтобы прибрались и через двадцать минут собрались на крыльце. Скажи им, чтобы меня не ждали, но шли за тобой к настоятелю, где я буду их ждать.

Брат поклонился и свернул в боковую аллею. Я понял, хотя не мог отдать себе отчёта, как именно, что причиной радости этого человека и перемены в его настроении был Иллофиллион. Но я уже научился не задавать вопросов о таких вещах. Я стал думать, не упустил ли я сам чего-нибудь из своих обязанностей, и вдруг... вспомнил об Эте.

– Боже мой, а где же моя бедная птичка? Неужели голоден до сих пор мой птенчик? И где он сейчас? Иллофиллион, миленький, отпустите меня, пожалуйста, я побегу его отыскивать.

– Успокойся, Лёвушка, твой Эта отлично провёл ночь с Мулгой, а утром его взял к себе Раданда. Твой неблагодарный птенчик увлечён сейчас новым другом. Раданда хорошо понимает птичий язык, и Эте это кажется пленительным. Поэтому он не только не скучает, но даже и забыл о тебе.

Иллофиллион смеялся, глаза его искрились юмором, а у меня в сердце шевельнулось нечто, похожее на огорчение.

– Почему же ты вдруг глядишь таким печальным постником? Неужели тебя огорчает, что павлину твоему без тебя хорошо и весело? Ты предпочёл бы, чтобы он проливал слёзы в разлуке с тобой?

– Нет, Иллофиллион, мой дорогой наставник. Я бы, конечно, не хотел, чтобы кто бы то ни было пролил хоть одну слезу обо мне или из-за меня. Но... но... если бы мне пришлось расстаться с вами, я не ручаюсь, что у меня хватило бы сил не заплакать, как я когда-то плакал, расставаясь с Флорентийцем.

– Это было бы очень печально, дорогой мой сынок. Это значило бы, что физические время и пространство ещё владеют тобой, а духовная близость не стала твоим дыханием, твоими буднями и твоим трудом в них. Для тех, кто объединил своё сердце и сознание со своими любимыми, кто видит не облик, физически близкий самому себе, но вечный путь того, кого любит, уже не существует ни разлуки, ни разъединения. Для них существует только радость сотрудничества, радость полной гармонии, не зависящей от того, видят ли друзья физические глаза или их видят очи духа, очи Любви. Если ты ещё стоишь у того перекрёстка, где есть иллюзия *осязаемой* формы любви, ты не сможешь найти устойчивого мира. Потому что мир сердца формируется на единственном основании: *всё, вся Жизнь в себе*. И в каждом человеке, кто бы он ни был – муж, жена, брат, ребёнок, друг, – надо научиться поклоняться *этой жизни*, чтить её и освобождать своею любовью путь к *ней* в каждом любимом существе. И нет исключения из этого правила ни для одного человека, в какой бы форме бытовых отношений он ни жил.

Я всем существом внимал словам Иллофиллиона, но... Впервые мне казались его слова недостижимыми для обычного человека, простого смертного, каким был я...

Иллофиллион ласково посмотрел на меня и по обыкновению прочитал до дна мои мысли и чувства.

– Мера вещей, Лёвушка, меняется параллельно крепнущему духу человека. И то, что кажется нам недостижимым сегодня, становится простым действием завтра. Это *завтра* растяжимо для каждого человека по-своему. Оно так же индивидуально неповторимо, как и весь путь человека.

Для одного – мгновения, для другого – века. И в течение этого завтра вся жизнь делится на этапы героических напряжений духа человека. Но обретение каждым той силы, которая *продвигает* его самого, а *через* него – и энергию Учителя в его окружение, достигается человеком лишь тогда, когда даже героическое напряжение, воспринимаемое как подвиг, становится для него лёгким, простым, привычным трудом. Не допускай никогда, дитя моё, унылого чувства «недостижимости» перед величием духа другого человека. Всегда радостно благословляй достигшего больше тебя и передавай ему свою радость, чтобы ему легче было достигать ещё больших вершин.

Проще, легче, выше, веселее. Эти слова Али – целая программа для каждого. Эти слова говорят о том, что высота духа – не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония.

Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радости. Радости именно потому, что человек живёт *в Вечном*. А живя в Вечном, он видит это Вечное во всех мирах, где он сам *гостит* в тот или иной момент своего духовного и физического роста.

Мы подошли к сторожке Мулги, который радостно приветствовал нас и немедленно доложил мне, что Эта живёт у настоятеля в его покоях и бежит за ним, почти не разлучаясь. Когда же, подчиняясь приказанию Раданды, ему приходится остаться дома, то он усаживается на кресло настоятеля, к полному смущению его келейников, и никого к себе не подпускает, обнаруживая весьма строптивый нрав. Я представил себе картину борьбы Эты с келейниками, нарушающую тишину в чинных покоях настоятеля, и от комичности этой сцены залился смехом, совсем забыв о чинности места, в котором нахожусь. С трудом я совладал со своим мальчишеством, и то не без укоризненного взгляда Иллофиллиона.

Не успел я снова стать воспитанным, как услышал радостные вопли Эты, мчащегося ко мне через весь двор. Во многих окнах появились лица, но, к моему счастью, ласково улыбающиеся. Никто не выражал мне упрёка ни за мой смех, ни за беспокойное поведение моего белоснежного друга. Я ждал, что Эта немедленно очутится на моём плече, но, видно, ряд удивляющих сюрпризов на сегодня ещё не закончился.

Не добежав до нас шагов трёх, проказник остановился, распустил свой хвост – кстати сказать, я впервые увидел, как вырос его хвост и какую царственную красоту и великолепие он обрёл, – высоко поднял свою прелестную головку, а затем низко-низко склонился к земле, почти касаясь её своим хохолком.

Поражённый этим невиданным фокусом моего друга, я, конечно, не замедлил вспомнить прежнее время и превратился в полном смысле слова в «Лёвушку – лови ворон». Эта отдал свой первый поклон Иллофиллиону, затем выпрямился и точно так же поклонился мне. Затем, сочтя, что он достаточно познакомил меня с новым воспитанием, которое получил в Общине, закричал довольно пронзительно и тут уж дал волю своей радости свидания со мной. Он бросился на меня, и я исчез под его крыльями; он скакал по моим плечам и рукам, тормозил клювом мои кудри, словом, добился желанного результата: я был растрёпан и весь в поту, одежда моя была мокра и измята, а вокруг меня образовалось кольцо смеявшихся людей. Я был совершенно смущён и бессилен унять темпераментные восторги Эты. Наконец, натешившись вволю и, очевидно, утомившись от своих гимнастических упражнений, Эта уселся на моё плечо. Я стоял весь красный, но не успел подумать о своём внешнем виде, так как увидел Раданду, от души смеявшегося проделкам Эты, и услышал его слова:

– Ну, брат Эта, и осрамил же ты меня. Я хотел похвастать своими воспитательными талантами, а ты вон что преподнёс! Кто же теперь поверит, что я хороший воспитатель?

Голос Раданды звучал ласково, от него шло во все стороны сияние, и снова он казался мне светящимся шаром. Не знаю, что понял Эта из слов Раданды, но он соскочил с моих плеч, подбежал к Раданде и отдал ему глубокий поклон.

– Ну, хорошо, это мне благодарность за то, что я обучил тебя хорошим манерам. Но надо извиниться перед хозяином за то, что ты его растрепал, – протягивая руку над головой Эты, сказал Раданда.

Эта повернулся и, жалобно глядя на меня, не распуская хвоста, поклонился мне, точно моля о прощении. Его поведение вызвало новый взрыв весёлого смеха окружающих и новую реплику Раданды:

– Теперь отправляйся и покажи своему хозяину дорогу в ванну. А как ударит гонг, ступай к Мулге, води себя прилично и жди, пока Лёвушка за тобой не придёт. – Раданда говорил и поглаживал спинку прильнувшего к нему Эты. – Скоро будет удар гонга, спешите.

Мне показалось, словно какие-то искорки мелькали под рукой Раданды, когда он гладил птицу, и я подумал, что это его мысли, которые понимает Эта. Повернувшись ко мне, павлин

подёргал меня за одежду и побежал через дворик, изредка оборачиваясь, чтобы посмотреть, иду ли я за ним.

Несколько оправившись от конфуза, я пошёл за Этой и очутился в таком же душе, каких видел уже немало в саду. Но вода здесь была не так прохладна и обстановка выглядела несколько комфортабельнее. Келейник Раданды дал мне свежую одежду и обувь. Он выразил удивление тем, как это я мог справляться с такой своенравной птицей и даже научить её кланяться. Я не успел ему ничего ответить, так как раздался удар гонга. Эта вскрикнул и убежал к Мулге, дверь соседнего со мной душа открылась, и оттуда вышел Иллофиллион. Должно быть, занятый своим конфузом, я не заметил, когда Иллофиллион вошёл в душ. Мы вместе с ним вышли и прошли в покои Раданды, где я оказался в первый раз.

Комната, в которую мы вошли, была большая и светлая. В ней стояли высокие застеклённые шкафы с книгами. Кое-где стояли небольшие изящные белоснежные столики, так чудесно отполированные, что они казались костяными. На некоторых из них лежали стопочками книги и тетради, точно за ними только что занимались и сейчас вернутся продолжать свой труд. У меня в памяти мелькнул образ профессора Зальцмана, которому так хотелось поехать с Иллофиллионом. Я понимал его печаль от разлуки с Иллофиллионом, хотя хорошо запомнил последний разговор с ним, состоявшийся по дороге от дома Ариадны.

Раздался второй удар гонга. Вместе с ним все участники нашего отряда – те, с которыми мы расстались утром, и те, кого я покинул в школе, – вошли в комнату, где мы находились, введённые тем самым братом, который из грустного превратился в радостного. Бронский и Игоро пришли возбуждённые. Поздоровавшись с Радандой, они сразу подошли ко мне, и Бронский сказал:

– Если бы я хотел описать вам, Лёвушка, всё то, что мы с Игоро видели, то мне пришлось бы написать целый толстенный том. Кто бы мог себе представить, что в пустыне есть жизнь, и не жизнь дикарей, но жизнь величайшей культуры, до которой ещё не дошло человечество городов.

К нам подошла Андреева, и мы услышали чёткий, спокойный голос Иллофиллиона:

– Я напоминаю вам, друзья, что в трапезную надо войти в полной сосредоточенности, соблюдать в ней молчание и думать о вековых путях людей. Старайтесь вникать в ту суть человеческих судеб, которую *не* видите, и не рассеивайтесь на наблюдения внешних форм. Не оставайтесь созерцателями «чужих» жизней. Объединяйте всё самое лучшее, на что вы способны, с сердцами тех, кого видите стремящимися достичь высшей ступени духовной культуры.

Раданда напомнил нам, чтобы мы заняли те же места, которые были нам указаны в первый раз.

– Лёвушка, – шепнула мне Андреева, – за это утро я обрела так много нового понимания вашего пути, что ещё раз должна просить у вас прощения за моё прежнее ироническое отношение к вам.

– Дорогая Наталия Владимировна, во-первых, я уже давно забыл всё то, что было, а во-вторых, с тех пор вы проявили ко мне так много ласки и внимания, что они покрыли с лихвой все неприятные минуты, если они и были. Всё, чего бы я желал сейчас, – стоять так высоко в своём самоотвержении и силе внимания, как это делаете вы.

Раздался третий удар гонга, келейник подал Раданде его посох, и мы пошли в трапезную, как и в первый раз. Братя распахнули широкие двери, мы вошли в зал, уже наполненный людьми, и сели на свои места. Я сразу же увидел Всеволода и узнал многих из тех, кого приметил утром в его столовой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы собрать свои мысли. Во мне всё вспыхивало воспоминание о трёх склонённых фигурах за столом, о виденном здесь страдании и обо всём пережитом здесь. Это привело меня к совершенно новому пониманию и преклонению перед величием и ужасом человеческих путей. Правда, я должен был констатировать тот факт, что всё новое знание не помогло мне научиться стойко фиксировать мысль

на чём-то до конца. Мысль, как плохая нитка, ежеминутно рвалась. Наталия Владимировна почувствовала мои усилия, несколько раз слегка меня подтолкнула и прошептала:

– Постарайтесь не мешать Иллофиллиону сосредотачиваться.

Она попала в точку. Я сразу понял, в какой бездне эгоизма и самонаблюдения я кружился, вместо того чтобы действовать и прибавлять свои маленькие силы к великому труду Иллофиллиона. Я взглянул на моего дорогого воспитателя и поразился: опять я видел Иллофиллиона новым.

Он был глубоко сосредоточен. Он точно молился или призывал какие-то высшие силы себе на помощь. Невольно я посмотрел на Раданду, смеющееся лицо которого осталось последним впечатлением о нём в моей памяти. Сейчас глаза мои наткнулись на неведомого мне Раданду, хотя за это короткое время я видел выражение самых разнообразных чувств на его лице.

Раданда сидел неподвижно, ореол его цветных огней играл ярче, но лицо было лишено всякого выражения, точно он напряжённо слушал что-то, приходившее издалека, да так и застыл.

Как я ни старался оторвать взгляд от этих двух лиц, глаза мои снова и снова обращались к ним. Вдруг Раданда слегка вздрогнул, лицо его ожило и засветилось обычной лаской и добротой, а цветные огни его шарообразного ореола засияли ещё ярче. Глубочайшая сосредоточенность сошла с лица Иллофиллиона, от него побежали точно струйки света во все стороны, и даже в зале, мне показалось, стало светлее.

Я и не заметил, что дело дошло уже до фруктов, что первые два блюда были унесены с моего стола нетронутыми. Весёлый брат-подавальщик пододвинул мне тарелку с фруктами, а на другой тарелке принёс мне ещё и кусок сладкого пирога и финики, думая, по всей вероятности, что основная еда оказалась мне не по вкусу. Через минуту он подал мне чашку горячего какао и сопровождал её таким молящим взглядом, что я кивнул ему в знак благодарности и сейчас же принялся есть. В мгновение ока мои тарелки оказались пусты, и только сейчас я понял, что голоден и был бы не прочь начать теперь с каши. Усердно подбирая с тарелки последние крошки пирога, я встретился взглядом с Радандой. Бог мой, как я переконфузился! В глазах старца было столько ласкового юмора, что я чуть не подавился взятыми в рот крошками. Точно школьник, накрытый на месте преступления, я опустил глаза и не решался больше их поднять.

Тем временем в трапезной воцарилась мёртвая тишина. Я почувствовал движение Иллофиллиона, посмотрел на него и увидел его стоящим.

– Сегодня, друзья, для многих из вас последний день жизни в Общине. Не поддавайтесь той печали, которая закрадывается некоторым из вас в сердце. Гоните страх и опасения, что не сможете приспособиться к жизни в миру, от которого давно отвыкли. Оставьте всякие колебания и опасения и унесите с собой три простых завета.

Первое, что должно лечь в основу *каждого* дня и *каждого* вашего дела, – это мысль о Светлом Братстве. За что бы вы ни брались, вы должны ясно и точно отдавать себе отчёт: являетесь ли вы помощниками в выполнении трудового плана Светлых Братьев или ваш собственный эгоизм руководит вашими побуждениями к труду.

Второе – цельность до конца, полная отдача внимания каждой задаче, какую вам укажет Светлое Братство. Есть миллионы путей, которыми оно может прислать вам свои задания. Никогда не смотрите на *путь*, доставивший к вам весть, внимайте самой *вести* и воплощайте её в жизни. Но что значит, по мнению Светлого Братства, реализовать весть? Поверить, что задача *указана* вам, и методически выполнять её? Нет, это значит вложить такую любовь в выполнение указанного задания, чтобы дух человека жил в упоении, а не в обыденном сером дне, где с напряжением вы будете героически выполнять трудное дело, всё время думая, как много забот выпадает на вашу долю. Только тогда вы останетесь *верными* Общине и Светлому Братству, когда ваша задача будет вам *легка, как радость*, а не как беспокойство и забота.

Третье, что вам следует унести с собой как завет, – это *мужество и такт*. Никогда не произносите ни слова, пока полное самообладание не приведёт вас к мысли: человек, который жалуется или сетует мне, стоит на той точке своей эволюции, где ему ещё не открылось, что *всё* – в самом себе и что он сам сотворил всю свою земную жизнь прежде и продолжает творить её и сейчас. И только тогда ищите мужества в себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу.

Сегодня все те, кого настоятель ваш оповестил, соберутся к пяти часам в его доме на острове. А как взойдёт луна, вы уедете. В оазисе Дартана вам дадут одежду и всё необходимое для дальнейшего путешествия. Пока же не тратьте времени на прощания и сожаления о разлуке, соберите самое малое количество вещей, чтобы не быть их рабами в пути.

Иллофиллион поклонился и сел, а Раданда встал, благословил широким крестом всех присутствующих и сказал:

– Тем, кого я оповестил, я скажу своё прощальное слово в пять часов. А вы, дорогие братья, вспомните, что многие из вас уже не раз провожали группы своих друзей в далёкий мир, не раз сознавали, что многие опередили вас в готовности к труду и действию, и всё же вы продолжаете лениво дремать в своём духовном сне. Пробудитесь, друзья! Лени и медлительность много хуже торопливости. Они подобны смерти, так как в них не дух растёт, освобождённый, самоотверженный, но личность, ищущая себе той или иной формы, того или иного оправдания, чтобы расти и закрепощать дух в желаниях и страстях.

Идите, дети мои, и подумайте ещё раз, сколько вы упустили случаев встать в ряды самоотверженных работников творящего в мире Светлого Братства.

Снова все братья стали выходить, отдавая поклон Раданде и нам. На этот раз трапезная опустела быстрее. Одни торопились, чтобы успеть к пяти часам закончить дела в Общине и собраться в дорогу, другие спешили, чтобы помочь уезжавшим, и только немногочисленные фигуры, унылые и понурые, не разделяли общего оживления и уходили равнодушно, точно ничего не замечали и не слышали.

Когда все вышли, Раданда пригласил нас к себе. Но Иллофиллион ответил ему, что сам он отправится со мной по делам Франциска, Бронский и Игоро должны сейчас же пойти домой и записать всё то, что они видели утром, Лалии и Нине необходимо спешить с разборкой книг, Терезита не выполнила и трети своей дневной программы, и только Никито, Андреева и Герда могут пойти с ним в его чудесную библиотеку, где он сам даст каждому из них работу.

Снова расставшись с друзьями, в сопровождении Бронского и Игоро мы пошли в наш дом за письмами Франциска. Пачка писем была довольно большая, объемистый пакет старцу Старанде лежал в самом низу её. Я стал сомневаться, чтобы мы могли обойти всех до пяти часов, когда – я был уверен в том – Иллофиллион должен был прийти в дом настоятеля. Но вопросов я не задал, завернул платок Франциска в салфетку, положил всё в сумку и стал ждать на крылечке Иллофиллиона. Снова только сейчас я вспомнил об Эте, но на этот раз уже беспокоился не о его судьбе, а скорее о настроении бедных келейников, которые, вероятно, попадали в положение вроде того, в каком очутился тогда я во дворе трапезной.

Иллофиллион вскоре вышел и повёл меня по густой аллее, параллельной той, по которой мы въехали в Общину. Шли мы по ней довольно долго, она стала отклоняться вправо и привела нас к широким воротам и высокой ограде. Ворота были заперты. Иллофиллион ударил молотком по железной плите, вделанной в ворота. Через окошечко старческий голос спросил, кто это не вовремя идёт. Иллофиллион ответил ему что-то, чего я не расслышал, окошечко захлопнулось, и торопливые шаркающие шаги направились к калитке, которая тотчас и открылась.

Монах, открывший нам дверь калитки, был очень стар. Лицо его, всё в морщинах, было беспокойно. Глаза, суетливые жесты и протестующие нотки в голосе – всё наводило меня на мысль, что перед нами строптивец.

– Как это необыкновенно удачно, друг Старанда, что сегодня ты дежуришь у ворот. Именно тебя нам и надо.

– Именно меня вам и надо? Хотел бы я знать, почему это вы входите именем великого Учителя, а не знаете, что в нашем отделении сейчас мёртвый час и все отдыхают. Что же Учитель вам не сказал нашего распорядка? Да и мало того, что вы сами пришли не вовремя, вы ещё и юнца привели. Это что же, ваш любимчик? Или вы вообразили, что я буду разговаривать с вами о священных для меня вещах при таком несмышлёныше-мальчугане? Чудно, право! Лет вам, пожалуй, около тридцати, а такта вы ни на грош не приобрели.

Голос старца и все его повадки напоминали школьного учителя младших классов, распекающего провинившегося школьника.

– Ну, чего же вы молчите? Ведь не для того, чтобы в молчанку играть, вы сюда явились? – Он не предложил Иллофиллиону сесть, но сам уселся на деревянную скамью у круглого стола. – Никакого почтения к старости и её покою! Ну времена, ну воспитание! – всё бормотал он себе под нос, однако достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Мне казалось, что я уже забыл, как люди раздражаются. Но в эти минуты я готов был по-старому закричать, затопать ногами, чуть ли не расплакаться. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться, обливался холодным потом, но, по всей вероятности, из моих усилий ничего бы не вышло, если бы не помощь Иллофиллиона. Он положил мне руку на плечо, взглянул – точно просветил мне мозг и сердце, – и я сразу опомнился. Я понял, что я думал о себе, о мнимом унижении моего дорогого Учителя, а не о несчастном старце, не имевшем сил *увидеть, кто* был перед ним. Я осознал, что и я застревал в эти минуты в тупике духа, поддаваясь личному восприятию момента, а не глубочайшей любви, в которой я поклонялся Вечному в человеке.

Лень сжигает в человеке инициативу. А лишённый инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывает ему все возможности вступить на какой-либо из путей Света.

– Бедный, бедный Старанда! Когда Франциск спас тебя и прислал сюда, ты дал ему клятвенное обещание, что не нарушишь мира в Общине. Мало того, ты обещал ему вносить мир в каждую встречу, в каждое дело, которое тебе дадут. Первые три дня все шло хорошо...

– Постойте, постойте, молодой человек. Вы откуда это знаете? Не верю я, чтобы Франциск вам рассказывал тайны моей жизни. Вернее, настоятель вам насплетничал на меня. Ну и хорош!.. Стоять во главе да так вести себя...

Старанда, вероятно, ещё продолжал бы свои излияния, но глаза Иллофиллиона сверкнули, голос был тих, но так властен, что старец выпучил на него свои злые глаза.

– Сиди молча и не прерывай моих слов до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить. Слушай внимательно, несчастный человек. Вдумайся в ужас своего поведения и измени его, или тебе придётся покинуть и этот скит, как пришлось покинуть Общину и как до Общины приходилось покидать все места мира, где ты только ни жил. На три первых дня жизни в Общине хватило твоей мудрости и доброты, чтобы не спорить и не ссориться с окружающими. Дальше ты изводил своими нравоучениями каждого, с кем имел дело.

Будучи полным невеждой, нахватавшись вершков и корешков каких-то знаний, ни в одном из которых ты не умел соединить того и другого, ты всех и везде поучал, какой бы труд тебе ни поручили. Результат твоих рационалистических предложений, несмотря на все разумные советы и даже запреты людей знающих, был всегда один: ты ломал дорогостоящие станки, портил ценные материалы, вредил посевам, целые чаны краски для циновок и ковров превращал в негодное месиво, и так далее. И во всех делах ты уверял себя, что ищешь, как проще, легче и веселее жить. Ты не видел, что лица всех, к кому ты приближался, становились печальными и озабоченными и что повсюду при твоём появлении водворялась нудная скука. И только три человека тебя привечали... Ты сам знаешь, какой страшный урок ты прошёл

здесь, в Общине, какой ценой своей высокой любви тебя спас Раданда и поместил в этом скиту, недоступном для трёх фигур, покровительствовавших тебе...

Иллофиллион помолчал, точно ему было тяжело продолжать. Старец, сидевший вначале, выпучив глаза – глаза протестующие, дерзко глядевшие на Иллофиллиона, – теперь сидел сгорбившись, избегал его взгляда и напомнил мне своей согбённостью три зловещие фигуры в трапезной Раданды...

– Разве сейчас ты не отдаёшь себе отчёта, что ты катишься всё ниже? Неужели ты перейдёшь все пределы терпения и, несмотря на все усилия и любовь Франциска, Светлому Братству придётся прибегнуть к последнему средству спасения и укрыть тебя в тайной Общине?

Бедный старец вздрогнул, закрыл лицо руками и ещё ниже склонился над столом. Я понял, что он впервые за долгое время отдал себе объективный отчёт в своём истинном поведении. Огромная жалость залила моё сердце, мелькнуло воспоминание о Генри, Строгановых. Я взмолился Флорентийцу и приблизился к Иллофиллиону, стараясь объединить свои маленькие силы доброты с его мощью и самоотверженностью.

– Бедный Старанда, – ещё раз повторил Иллофиллион.

Но как по-иному это для меня прозвучало! Точно музыка всепрощающей любви, бодрящей, как привет доброты, донеслись до меня эти слова и проникли до самого дна сердца. И, несомненно, так же воспринял их Старанда. Он отнял руки от лица, моляще и благодарно взглянул на Иллофиллиона, и несколько крупных слезинок скатилось по его морщинистым щекам.

– Франциск говорил тебе о двух вещах. Первое, что он старался тебе объяснить, – что каждый видит только то, что *дух* его – чистый или засорённый – *позволяет* ему видеть. Второе, чего ты не мог усвоить, – что *все* действия человека куют его *связь* со всем миром. Как бы ты ни жил, *отъединиться* от связи с людьми ты *не* можешь. Ты можешь только своим отношением к ним и участием в общем труде *ковать* ту или иную связь с ними. Тобой создаётся та или иная атмосфера, будь то атмосфера добра и любви или эгоизма и раздражения, – в ней ты живёшь сам и вводишь туда же встречного.

Нет ни добра, ни зла самих по себе. Они существуют, лишь будучи созданными тобой, как и другими людьми. Как и нет для каждого Бога, помимо того Величия, которое дух его *может* постигнуть. Франциск говорил тебе, что все твои дела будут отчётливо видны Светлому Братству, что *полная* запись твоих дел будет отражаться в хронике Вечного⁹. Милосердие Франциска посылает тебе выписку из этой хроники за всё время твоей жизни здесь, то есть за весь тот период, который прошёл с минуты твоей с ним встречи.

Он говорил тебе, что ты должен каждый день жизни начинать благословением Вечного в человеке, ты же начинал его, составляя себе список, кого и чему ты должен «поучить», кого и как ты должен «пробрать». Иными словами, живя среди людей, всю жизнь искавших Бога, ты *действовал* с теми, кто видел в людях только *человеческие* слабости, видел пятна на них, но ни разу не поднял очей духа к их Святая Святых. Потому ты и в себе не смог расширить свою Святыню, а всё суживал вход в собственный храм сердца.

Юноша, чистоты рук и сердца которого ты не заметил, принёс тебе письмо и выписки Франциска. Уйди в уединение на семь дней. Постарайся радостной мыслью понять глубину любви Франциска и заботы Светлого Братства. Очисти налипшие на тебя привычки брюзжания и раздражения и пойми, что *они* довели тебя до последней черты. Сейчас у тебя есть ещё время. У тебя есть ещё выбор. Ты можешь ещё завоевать своё освобождение. Тебе дано долголетие, чтобы ты смог ещё сбросить с себя кучу предрассудков, которые закрепили твою мысль и волю. Оставь свои привычки всех поучать и воспитывать. И кривое деревце может доставить

⁹ Речь идет о хрониках Акаши – тонкоматериальной субстанции иного плана бытия, запечатлевающей в себе информацию обо всём, происходящем на планете. – *Прим. ред.*

людям радость своей листвой и помочь своею тенью. Не на том сосредоточивай внимание, чтобы его выпрямить, а на том, чтобы ему, кривенькому, подставить палочку твоих радостных забот. Какой толк, встретив другого человека, всё читать ему нравоучения? Кто может поверить, что ты любишь человека, воспитываемого тобою, если он видит в тебе постоянное раздражение, обидчивость, требовательность к себе? Разве слова могут убедить? Только живой пример может *увлечь* и пробудить в человеке его высшее желание следовать за тобой. Бессмысленны все попытки «воспитать» в человеке то, чем ты сам ещё не владеешь. Но каждое твоё слово, произнесённое с истинной добротой, действительно завоюет сердце и мысли человека.

– О, Учитель, теперь я узнал тебя. Ты тот чудесный брат, который спас нас в пустыне от песчаной бури. Боже мой, почему же я не узнал тебя сразу? Ведь я обещал по гроб жизни молиться за тебя, и я не молился. Даже не вспоминал тебя. И это, значит, я найду в выписке Франциска?

– Не огорчайся чрезмерно. Не теряй времени на раскаяние и уныние. Действуй, твори Духом своим, а не вспоминай старое. Но помни только, что *подход* твой к людям был неверным. Ты *мог* радовать и утешать, *мог* мирить и щадить, а ты огорчал и раздражал, высчитывал вину и наказывал.

Голос Иллофиллиона звучал не укором, но такой лаской сострадания, точно в перечисленном им не было *вины* Старанды, а была лишь беспомощность человека, не имевшего дальнорзости духа. Иллофиллион подошёл к Старанде, беспомощно стоявшему и утиравшему слёзы, которые он тщетно старался удержать.

– Этот юноша подаст тебе пакет. Ты найдёшь в нём письмо Франциска и письмо Али, которое я вложил туда же, – с этими словами Иллофиллион обнял старца.

И как изменился Старанда! Старенький-старенький, весь дрожащий, он приник к Иллофиллиону, точно слабый ребёнок, и стал кроток... и добр.

– Простите мне оба. Я всё смешал, всё перепутал, всё забыл, что знал. А сейчас мне кажется, будто я и не жил, так пусто в моём сердце. Тяжесть недовольства из него ушла, а доброта ещё не пришла. Ох, пойму ли я её, доброту-то?

– Не только поймёшь, если будешь добр, но, я уверен, ещё при мне выйдешь из скита обратно в Общину и многим украсишь жизнь своей добротой. Ступай к твоему настоятелю, попросись в уединение и там прочти много-много раз всё то, что найдёшь в пакете Франциска. Передай пакет, Лёвушка.

Я вынул пакет. Всею доступной мне мощью мысли я призывал Франциска и молил его помочь Старанде. Мысленно я попросил его оставить старцу его платок, веря, что святая доброта Франциска перейдёт с этой реликвией к мыслям Старанды и поможет ему сосредоточиваться. И вдруг я увидел рядом Франциска, стоящего с красной чашей в руках, улыбавшегося и шептавшего мне: «Отдай, отдай».

Видение исчезло. Я стал уверенно разворачивать салфетку, вынул из платка все письма, кроме пакета Старанды, завернул их в салфетку и вложил в сумку. Свернув аккуратно платок, я низко поклонился старцу и подал ему пакет. Взяв его старенькую, маленькую ручонку, я вложил в неё пакет.

– Этот платок Франциск приказал мне передать тебе, дорогой отец. В самые трудные минуты отирай им лицо, шею и руки, и Воля-Доброта Франциска немедленно поможет тебе. Прости. – Я снова низко поклонился несчастному, всем сердцем сострадав ему.

– До свиданья, Старанда. Я буду навещать тебя в твоём уединении.

Иллофиллион ещё раз обнял старика, и через минуту мы шагали по аллее. Мне казалось, что прошёл не час времени, но целая вечность, так я был разбит и обессилен.

– Соберись с силами, дружок, вот тебе пилюля Али. Давненько не приходилось тебе к ней прибегать. Из сегодняшнего опыта крепче осознай, как необходимо оберегать себя от раздражения. Твой дух и твоё тело уже слились в одно гармоничное целое. И раздражение

выталкивает тебя из атмосферы выше тебя стоящих, к которой ты прирос. Невидимая тебе и только ощущаемая как мир и радость в минуты гармоничного состояния, эта атмосфера разрушается твоим раздражением; запас твоих жизненных сил опустошается, и ты тяжело страдаешь. Запомни этот опыт и больше ни к одной встрече не подходи лично. Думай всегда, зачем надо Жизни, чтобы эта встреча состоялась, ибо только Жизнь видит ученик перед собой, только её зов слышит в каждой встрече.

Иллофиллион усадил меня на скамью среди тенистых деревьев и сел рядом со мной. Довольно скоро моя слабость и головокружение прошли, пилюля Али восстановила мои силы, и жара перестала мне казаться такой нестерпимой. Заметив, что я стал чувствовать себя лучше, Иллофиллион приказал мне омыться в душе, в пяти шагах от которого мы сидели.

Возвратившись из душа, где брат снова молча подал мне свежую одежду, я почувствовал себя Голиафом. Всё же Иллофиллион продержал меня в тени ещё минут десять, и только тогда мы двинулись дальше.

– Несмотря на то, что сегодня тебя следовало бы пощадить, мы всё же выполним миссию Франциска до конца. Вскоре возвратится Ясса из своего более чем тяжёлого путешествия, и оно будет его последним подвигом на той ступени знания, в которую он посвящён. С его возвращением тебе прибавится дела: ты должен будешь ему переводить книги, которые я тебе укажу. Ясса не знает тех языков, которые ты изучил в Общине. Времени, чтобы их изучить, у него уже нет. Его рост за последнее время совершился так сказочно быстро, что следующая ступень Посвящения сама открывает ему дверь. Сегодня ты закончишь миссию Франциска, а завтра начнёшь передавать письма Дартана. Я освобождаю тебя сегодня от общей вечерней трапезы. Вместо неё ты отправишься к двум сёстрам из оазиса Дартана, познакомишься с ними, передашь им мой привет, и они будут помогать тебе в деле передачи писем и посылок из оазиса. Держи в памяти сегодняшний опыт и слушай *только* зов Жизни, в какой бы внешней форме Она ни предстала перед тобой.

Мы довольно долго, вероятно около двух часов, путешествовали по Общине. Много разных фигур запечатлелось в моём сердце. И как я был счастлив видеть их! Это всё были лица радостные, приветливые, спокойные. Были среди них и старые, и молодые. Были люди очень высокой культуры, поразившие меня своими манерами и образованностью, сквозившей в каждом слове; были и совсем простые люди, научившиеся грамоте и ремёслам в Общине.

Весь этот калейдоскоп лиц снова меня утомил, но утомил радостно, наполнив счастьем от удачно выполненного поручения. Что меня особенно поразило – все эти люди благоговейно благодарили Иллофиллиона за их спасение, совершённое им когда-то.

Невольно я задумался, когда же и как успевал Иллофиллион делать столько дел и удерживать в памяти образы людей в Индии, в Европе и Азии и, быть может, ещё и в тех странах, о которых я и понятия не имел...

Мы возвратились домой. Иллофиллион вызвал молодого брата, данного нам Радандой в качестве проводника по Общине, назвал ему имена тех сестёр из оазиса Дартана, о которых сказал мне, и велел через час зайти за мной, чтобы проводить меня к ним. Этот час Иллофиллион провёл со мной в своей комнате, где усадил меня в удобное кресло и кормил прекрасными фруктами.

– Сегодня, когда ты так нарушил все функции своего тела, ничего, кроме фруктов, не ешь. Если, возвратясь, почувствуешь голод, подожди меня, я захвачу тебе хлебцев от Раданды. Об Эте не беспокойся, я его приведу. Он ведь теперь очень хорошо воспитан.

В комнату постучал брат-проводник, Иллофиллион дал мне письмо и пакет для сестёр. Он ласково со мной простился, и я вышел в сад, думая всем сердцем, что Жизнь вновь зовёт и движет меня по своей великой Мудрости.

Глава 4

Мои новые знакомства в Общине. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды

Все люди, которым я относил письма Франциска, поразили меня своей жизнерадостностью. Но не одним лишь этим свойством запомнились мне встречи с ними. Каждый из адресатов активно окружал меня атмосферой своей простой доброты. И я на деле понял, каким образом человек сам куёт сеть связи со своим окружением. В моём сознании проявилась новая действенная идея: жить – значит выливать из себя эликсир Жизни – радость.

Я присмотрелся к брату-проводнику. Это был совсем ещё молодой человек, на вид лет восемнадцати, стройный и довольно красивый, хотя все отдельно взятые черты его лица были неправильными. В нём чувствовалась жизнерадостность и уверенность в себе. Шёл он легко и несколько раз принимался мурлыкать песенку; но каждый раз, поглядев на меня, он точно извинялся за нарушенное молчание, улыбался и умолкал. Я спросил его, давно ли он живёт в Общине.

– Давно, я здесь родился. Мать моя лет десять уже как ушла в скит уединённых. Как только увидела, что я хорошо учусь в школе и больше не нуждаюсь в её опеке, так и ушла.

– А что вы делаете сейчас?

– Сейчас я готовлюсь к сдаче экзамена на поступление в какой-нибудь университет, куда меня отвезёт Учитель Иллофиллион, если найдёт мои знания удовлетворительными.

При этих словах я остановился на месте как вкопанный и мгновенно превратился в «Лёвушку – лови ворон». Всего, чего угодно, я ожидал, но такой ответ не снился мне и в лучшем сне. Своим видом я насмешил брата. Он раскатисто расхохотался и меня заразил своим смехом – я залился, мальчишески забыв всё и вся.

– Бог мой, – отдышавшись, наконец, от смеха, сказал я ему. – Ваш ответ встряхнул меня, и даже вся моя усталость слетела. Ещё раз я убедился, что абсолютно не умею разбираться в людях, не умею угадывать их скрытые способности. Я ожидал всего, только не такого ответа. Я должен попросить у вас прощения: я даже не спросил, как вас зовут, считая свою встречу с вами случайной, мелькнувшей на один миг в стенах Общины. Я думал только об исполнении данного мне Дартаном поручения и... забыл поклониться Единому в вас. Простите меня.

Брат остановился, лицо его стало очень серьёзно, что изменило его почти до неузнаваемости.

– В вашем невнимании ко мне лично нет ничего удивительного, – сказал он ласково. И даже голос его изменился, стал глуше и теплее. – Каждый из нас пропускает без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Несмотря на то, что нас здесь с детства воспитывают, развивая в нас концентрированное внимание, я научился этому лишь тогда, когда отец Раданда стал заниматься со мной древними языками. Ах, какой он замечательный учитель, какая радость проводить с ним время!

Ответ брата ещё больше сразил меня. Я думал, что Раданда полусвятой. Но чтобы Раданда был учёным, знатоком греческого и латыни, которые он мог к тому же увлекательно преподавать!

– Вы ведь многих здесь посетили в сопровождении Иллофиллиона. Я был как раз у старого графа, когда вы отдавали ему письмо Франциска. Граф – знаток истории и выдающийся лингвист. С ним я проходил специальный курс мировой истории и литературы. Он дал мне так много знаний, что я не сомневаюсь в успешном прохождении экзамена по истории и языковедению.

– Скажите, как ваше имя?

– Меня здесь зовут Славой. Имя моё Вячеслав, а фамилия Силько. Вот мы и у цели. Обе сестры считаются у нас лучшими математиками. Я слышал, что у них есть дипломы из каких-то университетов, но так как они очень замкнуты и никому ничего о себе не рассказывают, то точно я о них ничего не знаю. Они живут здесь не так давно, не более десяти лет.

Мы подошли к хорошему домику, первому оранжевому по цвету, который я увидел здесь среди белых домов Общины. На балконе сидели две ещё не старые женщины. По их одежде я сейчас же узнал, что они из оазиса Дартана. Заслышав наши шаги, они подняли головы от книг, над которыми склонялись, и одна из них вышла нам навстречу.

– Ты что, Слава, ко мне?

– Нет, я привёл к вам келейника и секретаря Учителя Иллофиллиона, – ответил Вячеслав, кланяясь сёстрам и пропуская меня вперёд.

Лицо женщины вспыхнуло ярким румянцем. Её сестра поднялась на балконе, почти вскрикнув:

– Учитель Иллофиллион здесь? Когда же он приехал? С кем он и где?

Слава улыбнулся быстроте её вопросов.

– Вот этот брат всё вам толком расскажет. Я оставляю его у вас и через час зайду за ним.

Сестры пригласили меня к себе на балкон. Я рассказал им, с какой миссией прислал меня к ним Иллофиллион, и передал его письмо. Каждая из сестёр прочла письмо, и каждая отреагировала на него совершенно по-своему. Старшая, молчаливо приветствовавшая меня, заметно посветлела от радости. Лицо её выражало теперь счастье, почти экстаз. А младшая, засыпавшая меня вопросами, имела вид удручённый и скорбный.

– Я думала, конец, – прошептала она едва слышно, садясь в кресло у стола и впадая в апатию.

– Милая Рунка, перестань быть ребёнком. Разве ты не видишь, что Учитель даёт нам поручение? Неужели ты можешь принять в унынии первое поручение дорогого Учителя, спасшего нам жизнь?

– Да, конечно, ты права, Роланда. Но у меня нет больше сил жить здесь. Я хочу домой, в оазис, а оттуда – в широкий мир. Я больше не в силах жить здесь. Я хочу учиться и видеть людей. Можно же, наконец, нас пощадить, – разбитым голосом, со слезами говорила Рунка, перейдя на французский язык.

Роланда нежно обняла её, гладила её чудесные чёрные волосы и ласково, тихо отвечала ей на том же языке:

– Ты ведь сама знаешь, что этот приступ раздражения пройдёт. Никого добрей тебя нет, усердная моя сестричка. Вспомни, в каком состоянии ты была, когда Учитель Иллофиллион вывез нас сюда. Здесь ты окрепла, здесь ты многим принесла помощь. Утешься сейчас. Посмотри, как ласково и дружелюбно смотрит на тебя юноша. Он подаёт тебе пакет. Возьми. Он никак ведь не ожидал встретить здесь драматическую сцену вместо помощи, которую ему обещал в нас Учитель Иллофиллион.

Рунка отерла слёзы и жалобно, точно ребёнок, сказала мне:

– Простите, брат. Я десять лет не могу примириться, что оторвана от всего родного и близкого. Всё вспоминаю разлуку с любимыми. Но... в этой разлуке виновата я сама. Мне очень стыдно, что я вас заставила быть свидетелем такой неприятной сцены. Я готова выполнить то, чего желает Учитель Иллофиллион, со всей любовью и усердием. Поверьте, это доставит мне одну радость.

Я протянул ей пакет, данный мне Иллофиллионом для сестёр.

– Я очень хорошо понимаю, как скорбит сердце человека, когда ему приходится отрывать от самого дорогого в жизни, что кажется кому-то единственным смыслом и красотой. Страдание, пережитое от такого разрыва, оставляет надолго следы. Даже тогда, когда раны лич-

ной скорби уже зажили, когда уже понимаешь, что смысл жизни в Вечном, которое ты отыскал в человеке, а не во временной его форме, и тогда ещё живёт в сердце память о пережитом страдании, хотя само страдание уже кажется только эхом прошлого.

– Я много раз достигала на время этой мудрости за прожитые здесь десять лет. Но достаточно какой-нибудь внешней искры, чтобы я поняла всю неустойчивость своего внутреннего мира. Ваши слова ещё больше устыдили меня. Какое счастье, что Учитель Иллофиллион не сам пришёл, а прислал вас. У меня есть время прийти в себя. Если бы вы знали, как мило-стива оказалась ко мне Жизнь, послав мне такого нежного и заботливого друга в моей сестре Роланде. Роланда добровольно оставила мир и науку, которой она предана как своей единственной страсти, оставила и оазис, куда я её увезла с собой. Роланда живёт всюду в Вечном. Если бы её не было рядом со мной, меня бы уже не существовало.

Рунка могла бы и не говорить мне всего этого. Я сам понял – точно по книге прочёл – жизнь и взаимоотношения сестёр.

– Быть может, нам не стоит терять времени? Если хотите, начнём сегодня же знакомство и пойдём к кому-либо из жителей оазиса, – Роланда старалась дать иное направление нашему разговору. – Здесь, рядом с нами, живут мать и сын. Оба очень добрые, но неуравновешенные люди. Знакомство с ними будет для вас приятно тем, что в их доме постоянно собирается много друзей из оазиса. Вы сразу попадёте в гущу этих людей и поймёте их интересы и настроения, уровень их культуры и вкусов.

Я был очень рад пойти в гости ближайший дом. Мы оставили Славе записку на столе, прося его зайти за мною в соседний дом. Когда мы подходили к дому, в который меня вели сёстры, то уже за несколько шагов был слышен шумный разговор, похожий скорее на спор, чем на обычную мирную беседу. Комната, куда мы вошли, больше походила на гостиную восточного стиля, чем на обычную гостиную, какую я рассчитывал увидеть в домах Общины. По стенам стояли широченные диваны и висели ковры, посередине комнаты были расставлены маленькие круглые столы с низкими креслами, и всё это было занято людьми, громко смеявшимися, которые, разбившись на группы, интересовались только своими ближайшими соседями, не обращая внимания на всех остальных.

– Бог мой! Наши учёные затворницы! – вставая с места и подходя к нам, сказала седая элегантная женщина, прекрасно одетая по моде оазиса Дартана. – Какой же это рыцарь нашёлся на земле, сумевший вытащить из башни заколдованных принцесс? – женщина смеялась, обнимая сестёр и хитро поглядывая на меня.

– Этот рыцарь – спутник Учителя Иллофиллиона, – ответила Роланда.

Как только она произнесла эти слова, в комнате воцарилась гробовая тишина. Точно по мановению волшебной палочки речь каждого оборвалась на полуслове, фигуры застыли, точно в живой театральной картине.

– Позвольте познакомить вас, сестра Леокадия, это секретарь Учителя Иллофиллиона брат Лёвушка, как называет его Учитель в своём письме, – нарушила гробовое молчание Роланда.

Сестра Леокадия оказалась хозяйкой дома. Она любезно приветствовала меня, но за её внешней любезностью я почувствовал острое беспокойство. Не менее сильно ощутил я и токи окружавших теперь нас кольцом людей, лица которых были растеряны. Всё веселье точно ветром смело, в комнате повисло какое-то печальное уныние.

– Деметро, сынок, где ты? – обернувшись к дверям соседней комнаты, довольно громко позвала Леокадия.

Много пар глаз пристально рассматривали меня. Я уже начинал было чувствовать смущение, как в дверях комнаты появилась рослая фигура красавца мужчины. Это был в полном смысле слова безукоризненный красавец. У него были чёрные как смоль волосы, чёрные глаза и прямые сросшиеся брови, алые губы; черты его лица отличались безукоризненной правиль-

ностью. На плечах его был красиво задрапированный ярко-красный плащ, такого яркого цвета и блеска, что казался огненным. Красавец подошёл к нашей группе, очень вежливо поздоровался с сёстрами и с нескрываемым сарказмом посмотрел на меня. В его взгляде что-то слегка напомнило мне Браццано, хотя злой, животной злобы глаз Браццано в этих чёрных глазах не было. Я читал в них презрение ко всему, что не соответствовало его личным удовольствиям и шло вразрез с его вкусами и мнениями.

– Ты, мать, так поражена необычным визитом сестёр-ученых, что даже забыла познакомиться меня с их кавалером, – улыбаясь, но холодно и надменно сказал он матери.

– Это секретарь Учителя Иллофиллиона, Деметро, – очень тихо сказала Леокадия. – Позвольте вас познакомить с моим сыном, – обратилась она ко мне. И снова за внешней ласковой любезностью я ощутил её беспокойство. – Мой сын художник. Здесь он не участвует в общих работах, но в его мастерской уже много прекрасных картин.

Я понимал, что женщина говорит первые приходящие ей на ум слова, чтобы оттянуть время и найти самообладание. Деметро же, услышав слова матери, рассмеялся довольно деланным смехом и, здороваясь со мной, вёл себя в нарочито развязной манере.

– Узнаю Учителя Иллофиллиона! Всегда выберет себе спутников самого неожиданно разнообразного вида и характера, что мне, художнику, исключительно интересно. Скажите, пожалуйста, на этот раз все его сопровождающие так же молоды, как вы?

Он дерзко рассматривал меня, бесцеремонно отодвинул какого-то человека, несколько закрывавшего от него мою фигуру, и, рисуясь своей красотой, поправлял красивой рукой свой огненный плащ. Я не успел ему ничего ответить, как услышал голос Рунки:

– Мы привели сюда посланника Учителя Иллофиллиона не для того, чтобы вы красовались перед ним в своих театральных позах, Деметро, – он их много, вероятно, видел, пока жил в мире. Мы привели его для того, чтобы в доме вашей матери он мог увидеть всё лучшее, что здесь живёт из нашего оазиса. С ужасом я вижу, что десять лет вашей жизни здесь оставили вас всё таким же...

Голос Рунки, взволнованный, глубокий, прервала Роланда:

– Деметро, гость в доме – первый человек, которому отдают всё внимание. Таков завет дедушки Дартана. Гость же – посланник Учителя – священный человек для каждого обитателя Общины. Почему вы хотите казаться хуже того, какой вы есть на самом деле?

Деметро резко повернулся к Роланде, лицо его вспыхнуло, почти сравнившись в краске с его плащом, он готов был уже дать грубый ответ моей благородной защитнице. В моём уме пронеслась картина встречи со старцем Старандой. Я вспомнил, как вспыхнуло негодованием и обидой моё сердце, когда я переживал мнимое унижение Учителя. Я почувствовал себя рядом с моим дорогим наставником, по всему моему телу пробежал ток знакомого мне содрогания – и я тут же стал совершенно спокоен и ласково сказал хозяйке дома:

– Я очень виноват перед вами, что пришёл неожиданно и помешал вашим друзьям продолжать их интересные беседы. Я должен был сначала узнать, желаете ли вы и ваш сын видеть меня, такого скромного слугу Учителя.

– Ах, что вы! Мы очень рады вам! Мы много лет не имели никаких известий от Учителя Иллофиллиона. Но нам не так давно говорили, что он путешествует где-то в России, поэтому ваш приход так поразил нас неожиданностью. Мы не смогли даже сразу прийти в себя. Прошу вас, садитесь. Расскажите, пожалуйста, как вы ехали сюда? Не заезжали ли вы в оазис к нашему близкому родственнику Рассулу Дартану? Где и когда вы расстались с Учителем?

Леокадия сменяла вопрос вопросом, усаживая меня и сестёр возле одного из столов так, чтобы её сын не мог подойти ко мне. Очевидно, она опасалась новой вспышки раздражения в нём и не особенно рассчитывала на мою воспитанность.

– Не знаю, с чего начать свои ответы, – ответил я. – Если начать с самого последнего вашего вопроса, то должен сказать, что я расстался с Учителем Иллофиллионом не более часа назад.

Целый рой возгласов: «То есть как?», «Что вы хотите этим сказать?», «Каким образом?», «Это невероятно!» – и тому подобных ахов и охов раздался по всей комнате. Все эти возгласы покрыл мощный голос Деметро:

– Уж не желаете ли вы сказать, что сам Учитель Иллофиллион сейчас здесь?

Я посмотрел вокруг и увидел на лицах гостей, таких беспечных и весёлых несколько минут назад, невыразимый страх. Я никак не мог понять причины этой паники, так как за долгое время жизни подле Иллофиллиона привык видеть людские лица расцветающими радостью при упоминании имени моего дорогого друга и Учителя.

– Да, Учитель Иллофиллион здесь.

По комнате пронеслись новые испуганные возгласы: «Да как же так!», «Разве уже пришёл срок?», «Что же нам теперь делать?» – и под эти возгласы дом опустел, в нём остались только мы и хозяева. Вновь в комнате воцарилась мёртвая тишина, которую подчеркивало тяжёлое дыхание Деметро. Он стоял всё так же у стола, опустив голову, совсем бледный и мрачный, похожий в своём огненном плаще на павшего ангела.

Первой нарушила это тягостное и непонятное для меня молчание Леокадия.

– Не удивляйтесь, что ваше появление произвело такое сильное впечатление на всех. Видите ли, все мы приехали сюда по указанию Учителя Иллофиллиона, каждый по своим причинам. У каждого из нас были те или иные обязательства перед ним. Но мы здесь так весело и беззаботно жили, что совсем забыли о неприятной стороне взятых на себя обязательств. Мы...

– Брось разговоры, мать. Возможно, что приезд Учителя Иллофиллиона вовсе не относится к нам. Мало ли какие у него могут быть дела в Общине? Видите ли, господин секретарь, мы живём здесь на средства дедушки Дартана, а не на средства Общины. У нас здесь своя часть территории в парке, где, кроме приехавших из оазиса Дартана, никто не живёт. Я не отрицаю, что я, как и все, взял на себя некоторые обязательства, но я, как и все, совершенно независим. У вас есть какие-либо поручения лично к нам от Учителя Иллофиллиона?

– Нет, Учитель только приказал мне выполнить поручение Дартана: передать письма и посылки из оазиса.

Лица матери и сына просветлели, оба вздохнули облегчённо.

– Ах, вот как! Ну, мы здесь ни в чём не нуждаемся. Дедушка Дартан мог бы о нас и не беспокоиться. Впрочем, мы, конечно, рады будем видеть вас и получить свои подарки, – переходя снова на надменный тон и высоко поднимая свою красивую голову, сказал мне Деметро.

Я посмотрел на сестёр, негодование которых выразилось на их возбуждённых и расстроенных лицах, и постарался всеми силами влить мир в их сердца. Раздался лёгкий стук, и я увидел в дверях фигуру Славы.

– Вам что? Вы ко мне? Я сейчас занят, придите потом.

Тон Деметро был невыносимо высокомерен.

– Нет, это за мной, – поспешно вставая, сказал я, огорчённый неприязненным тоном, который пришлось вынести моему любезному проводнику из-за меня.

– Куда же вы так спешите? Оставайтесь, пожалуйста, поужинать, – попросила меня сестра Леокадия.

– Да, да, – поддержал её сын. – Ведь вы были невольной причиной того, что мы с матерью остались в одиночестве. Как видите, все друзья разбежались. Теперь ваша прямая обязанность развлечь нас!

– Простите, но я лишь скромный келейник своего господина и мне надлежит точно выполнять его приказания, но не более того. Я должен немедленно возвратиться домой. Я могу понадобиться Учителю Иллофиллиону.

Мать и сын очень настойчиво протестовали, уверяя, что ужин уже на столе, что у них в Общине не в обычае уходить от накрытого стола, что это считается даже невежливым. Но я ещё раз ответил, что не могу превысить данных мне полномочий. С большим трудом, употребив всю свою настойчивость, я вырвался из дома чрезмерно гостеприимных хозяев.

Когда я прощался с сёстрами у их балкона, Роланда задержала мою руку в своей.

– Это я всему виною. Они все – добрые люди, но их легкомыслие ни с чем не сравнимо, разве что с их любовью к праздности. Мне надо было заранее предупредить их, тогда вам не пришлось бы наблюдать всей этой тягостной сцены. Впредь я постараюсь подготавливать людей к встрече с вами.

– Я очень рад, что мне пришлось повстречаться с людьми, не ждавшими известия. Теперь мне ясно, как много надо нести в себе мира и радости, чтобы успешно выполнить данное мне поручение. Не стремитесь оправдывать Деметро. Моё сердце уже его оправдало. Дело не в Деметро или ком-нибудь другом, но во мне – насколько я найду в себе такт и обаяние, чтобы выполнить, а не испортить порученное мне дело.

Мы расстались с сёстрами, пожелав им спокойной ночи, которая уже спускалась. Над нами светило яркое от многочисленных и крупных звёзд небо, изредка встречались возвращавшиеся по домам люди. Мы молча проходили дорожку за дорожкой. Вдруг Вячеслав остановился.

– Брат, я не знаю, как живут люди в далёком мире. Поэтому прости мне, если я совершаю бестактность, нарушая сейчас твоё молчание. Но Раданда не раз говаривал мне: «Если ты видишь, что встреча людей не началась и не кончилась в радости, постарайся хотя бы одному из участников такой встречи передать теплоту и мир твоей души, твоей любви».

Ты печален, и мне хочется объяснить тебе непонятное, на взгляд нового человека, поведение всех тех, кого ты только что встретил. Та часть Общины, которая занята выходцами из оазиса Дартана, почти не сливается с общей жизнью всех остальных трудящихся в Общине. Приехали они сюда, получив указание самостоятельно выбрать себе одну из отраслей труда в Общине. Они долго вообще ничего не стремились выбирать. После неоднократных бесед с ними Раданды они решились осмотреть все отрасли труда здесь. Но им ничего не понравилось. Только пятьдесят – шестьдесят человек, в том числе уже знакомые тебе сёстры, вошли в трудовое единение с нами, многому научили нас и кое-чему научились у нас сами. Остальные всё отвергли, решили трудиться отдельно, завели себе свои мастерские, школу – и в результате даже дети их если и обучаются, то только в наших школах. Сами же они живут в праздности и ничего не создают для своих собственных нужд, не говоря уже об общем благе для всей Общины. Некоторые, как Деметро, стараются показать видимость труда. Что-то рисуют, шьют, сажают, но плодов своего дела никому не показывают. Жестокая критика на всех нас от них сыплется как горох.

Так что не огорчайся своим первым неуспехом. Сам Раданда им не раз напоминал об их обещаниях Учителю Иллофиллиону, о том, что годы летят быстро, что надо будет показать ему результаты своей работы, и я помню одну его замечательную фразу, которую он им сказал в моём присутствии: «Мстит человеку лень его. Лень сжигает в человеке инициативу. А лишённый инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывает ему все возможности вступить на какой-либо из путей Света. Ибо сделать это *может* лишь тот, в ком *жива* гибкая воля к труду».

Ты видишь, как глубока здесь проблема. И можно ли было тебе сразу найти подход к взаимопониманию с ними?

– Что проблема их общей жизни огромна, в этом ты, Слава, прав, это несомненно. И не мне её разбирать. Но тот крохотный кусочек их жизни, прикоснуться к которому послали меня

– передать им привет с родины, – должен быть выполнен в наивысшей радости и благородстве, на какие только я способен. Я буду молить моих великих друзей помочь мне в этой задаче.

Мы подошли к крылечку нашего дома, и первое, что я увидел, была Наталия Владимировна, державшая на коленях сонного, отяжелевшего Эту. Картина эта была так необычна, так несвойственна Андреевой. Она не питала особой симпатии к Эте. Даже некоторую долю брезгливости подмечал я в ней не раз по отношению к моей чудесной птичке. Теперь же она нежно и заботливо держала птицу, ласково прильнув головой к мягкой шейке Эты. Казалось, необычайно чуткая к шагам и всякому движению Наталия Владимировна на этот раз не слышала нашего приближения. Только когда мы уже встали на первую ступеньку, и она, и Эта одновременно подняли головы. Эта не замедлил переключиться ко мне на плечо, а бедная Наталия Владимировна, хотя и весело смеялась, но с трудом поднялась и расправила затёкшие руки и ноги.

– Лёвушка, мне так хотелось побеседовать с вами, что я попросила у Иллофиллиона разрешения доставить вам Эту. Иллофиллион очень хитро поглядел на меня, исполнил мою просьбу, но... сколько хлопот доставил мне ваш каверзный друг! Понадобился весь авторитет Раданды, чтобы Эта соблаговолил подчиниться и отправился со мной. И как только мы скрылись из глаз Иллофиллиона и Раданды, он вскочил мне на руки, не пожелав идти пешком. Так и пришлось мне тащить его на руках до самого дома. А пришли сюда – заставил меня держать его на коленях. Хитрец так уморительно вознаграждал меня за обслуживание нежными взглядами и кокетливыми поворотами головки, что я ему простила всё утомление.

– Я очень огорчён, дорогая Наталия Владимировна, что Эта выявил свой деспотизм на вас. Совершенно не понимаю, как у вас хватило сил нести его. Он даже для меня становится тяжёлым.

Мы оба приглашали Славу побыть с нами, но он ушёл к себе, сказав, что его ждёт ещё работа. На мои укоры Эте, зачем он заставил Наталию Владимировну нести такую тяжесть, она весело сказала:

– Ну, ноша моя была мне легка! Я слово такое знаю. А вот хотела бы я вам рассказать, как поразил меня сегодня Раданда. В его библиотеке я нашла сочинения всех великих писателей Древней Греции и Рима в подлинниках. А когда я его спросила, кому же здесь нужны подобные произведения, он мне ответил: «Мне были нужны раньше, пока я не знал их наизусть. А теперь нужны всем образованным людям Общины, подготавливающим себя для служения ближним в том широком мире, куда вскоре поедут. Вот, позвольте вас познакомить с некоторыми из них», – радостно прибавил он, идя навстречу группе людей, совсем молодых, входивших в комнату, где мы сидели. Вы, Лёвушка, можете себе представить, в какой соляной столб я превратилась и как глупо было моё лицо, когда я здоровалась с представляемыми мне людьми, входившими в комнату. Раданда смеялся надо мной не меньше, чем тогда, когда Эта тормозил вас, о чём он нам рассказал с необычайным юмором. Но, Лёвушка, не думайте, что я смеялась над вами. Я всей душой вам сочувствовала, а смеялась только комизму той ситуации.

– Я именно так и думал, дорогая Наталия Владимировна, и в данную минуту очень тронут вашим вниманием ко мне. Если вас поразил своею учёностью и образованными молодыми людьми Раданда, то меня не менее поразил один из его учеников, наш брат-проводник по Общине.

И я рассказал ей обо всех впечатлениях вечера, подробно передав разговор с Вячеславом. Мы сидели вдвоём, зачарованные волшебной тишиной и сияющими звёздами. Наталия Владимировна говорила тихим, задушевым голосом:

– Как не похоже моё мироощущение этих минут на всё то, что приходилось мне переживать раньше. За короткие дни моей жизни здесь какая-то новая освобождённость родилась во мне. Когда, бывало, прежде мне выпадали минуты, не наполненные спешным, напряженным трудом, нечто вроде тоски накатывало на меня из каких-то подсознательных недр духа. Дивная ночь, если я проводила её без работы и без сна, навевала мне мысли не об очаровании боже-

ственного мира, но о своём одиночестве, о том, что на земле у меня больше ничего нет, что на ней я стою нагая среди миллионов людей, одетых во все страсти и привязанности временной любви. От них я отстала, а к небу ещё не поднялась... Я чувствовала себя как бы висящей в пространстве между небом и землёй, не имея незыблемой точки опоры. Но в эту минуту я сознаю *в себе* и небо, и землю. Примирённость и полное понимание смысла рождения и смерти сквозят для меня в каждом шорохе трав и листьев, в каждом смехе и рыдании, в каждой песне птицы и крике животного. Я *знаю* в себе великий Свет, *независимо* от формы окружения, от времени и места. И обрётённая мной новая примирённость – моё постоянное Славословие Вечному, моя верность Ему – уже непоколебимы. Всё, что в моём сердце оставалось от условностей и предрассудков, всё, что ещё могло причинить раны из-за разлуки или лечь холодом на сердце из-за смерти любимых, из-за страданий и заблуждений близких и дорогих, – всё оторвалось, распалось прахом. Это освободило мою мысль и приготовило духу дорогу к более широкому восприятию Жизни.

Ваш опыт сегодняшнего дня, когда вы увидели на деле, как теряет смысл жизнь людей, не понявших значения труда, совпал с моим новым пониманием того, *как* должен *жить* человек на Земле. В том, что вообще Земля – арена труда, я никогда не сомневалась. Но как и для чего совершается труд каждого? Каково его значение в текущем дне для векового бытия человека? Практическое значение соединения того и другого я поняла только здесь. Величайшая схема: *рождение, труд, смерть* – вылилась для меня в три новых слова: *сила, выносливость, самообладание*. И все эти три слова зависят от самых простых истин. Эти истины каждый человек *сам* создаёт и из них строит себе и другим путь радости. Эти три начальных истины теперь выражаются для меня в словах: *доброта, любовь, верность*.

Совершенно неважно, в чём и как человек выявит эти три силы. Неважно, монах ли он или светский человек, дикарь или просвещёнейший писатель; встретил ли он в своей жизни великих людей или прошёл весь свой путь в самом обычном окружении, важно только, что он *выявил* эти силы и на *них* объединялся с людьми. Если он на *них* строил свой обычный день – он достигнет встречи с Учителем.

Он обретёт не только умственное, теоретическое *понимание вечности жизни*, но постигнет сердцем *полное* знание того, что нет ни смерти, ни разлуки. Человек, *умом* понявший, что не надо оплакивать отошедшего друга, всё же будет плакать, если друг ушёл. Своими слезами он непременно будет притягивать друга к земле. Будет терзать его картинами *своих* мучений и создавать ему тысячи препятствий, нарушая его первейшую обязанность в *новом* мире, в который он перешёл.

И эта первейшая обязанность в новом мире – единственная, как вечная память, которой в церковном обряде провожают отходящего, – есть *трудопособность* человека. Вот почему так тяжёл в общении праздный человек, не создающий себе *вековых* путей для единения с другими существами во *всех* мирах. Труд земли, как и труд неба, индивидуально разный. Труд одного может казаться бездельем другому. Но это неважно. Важен тот Свет, что открывается в человеке как результат его труда. Важны навыки, привычка мыслить в гармонии, то есть в сочетании доброты сердца и гибкости ума. Они ведут к примирённости. Любовь неотделима от гармоничного сочетания всех этих качеств в человеке, она и есть *путь живой жизни* в нём.

Сегодня с меня спали последние оковы личного. Ушло горестное ощущение, что я стою нагая над одетой и весёлой землёй, что всё порвано между мною и ею, нарядно цветущей. Напротив, теперь я одета в Свет, сияющий Свет доброты. *Вся* земля лежит в храме моего сердца, и больше нет для меня ни иллюзии смерти, ни разъединения с землёй. Во мне родилась и *утвердилось* примирённость. Земля, я и тот мир, куда уйдёт мой дух, покинув дорогу, многострадальную землю, – *всё это едино*. Радость жить, бесстрашие жить, бесстрашие умереть – всё слилось для меня в одно священное понятие: *трудиться для блага людей*.

Эта поднял головку, слегка вскрикнул и побежал по тёмной дорожке. Я догадался, что мой чуткий друг издали почувствовал приближение Иллофиллиона.

– Спокойной ночи, Лёвушка. Я пойду к себе. Запишу кое-что из впечатлений дня.

Наталия Владимировна простилась со мною, оставив меня под глубоким впечатлением от её слов. Слова эти проникли мне в сердце. Не раз в моём сердце вспыхивала тайная горечь от разлуки с моим братом-отцом. Как ни был я окружён величайшей любовью, как ни ценил и благоговел перед моими дивными и великими покровителями, всё равно из моего сердца иногда доносился стон. Хотелось почувствовать ни с чем не сравнимое нежное объятие брата Николая. Плоть от плоти моей и кровь от крови моей. Я хотел было пойти навстречу Иллофиллиону, но решил подождать его на крылечке. Быть может, и Иллофиллион был погружён в великие мысли и нуждался в минуте отдыха и одиночества.

Я не успел додумать своих мыслей до конца, как послышался разговор, и вскоре на полянке перед домом резко выделились две белые фигуры, рядом с которыми чинно шагал Эта. Я никогда не удивлялся, если видел Иллофиллиона в обществе неожиданных людей. Я уже привык видеть рядом с ним самые необычайные фигуры. Но на этот раз я удивился, так как Иллофиллион шёл рядом с седовласым Радандой, оживлённо рассказывавшим ему о новых изобретениях, достигнутых в производстве стекла. Когда же спал Раданда? Я слышал, что настоятель вставал раньше всех, что целый день он был занят самыми разнообразными делами. Когда же он отдыхал?

– Что, Лёвушка, усталое тело отдыха просит? – Раданда положил мне руку на плечо и быстро, совсем не по-стариковски, опустился рядом со мной на ступеньку. – Ты замечай, дитя, всё. Тебе неспроста дан путь писателя. Пиши о человеке «просто», как я тебе с первого взгляда сказал. Путь писателя бывает разным. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Ан, глядишь, прошла четверть века, и забыли люди этого писателя, хотя награждали его и жил он на земле в знатности. Другой мало или даже только одну вещь напишет, а его творение будет жить века, и даже в поговорки войдет. В чём же здесь дело? В самом простом. Один писал – и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал – временное ему и ответило. Другой *в себе* осознал *единственную* силу: огонь *Вечного*. Он и в других *его* старался подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов этого Вечного и страдал от разрушения гармонии в себе. Замечал, как иной человек был счастлив, сливаясь с Вечным, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать *их* жизнь, как будто сам оказался в обстоятельствах того или иного человека. Но мало стать в обстоятельства того или иного человека, надо ещё найти *оправдание* каждому в своей доброте, и только тогда поймёт писатель, *что* значит описать жизнь человеческую «просто».

Голос Раданды звучал сейчас совсем по-иному. Бог мой, в скольких аспектах я увидел этого человека за самое короткое время! И я ясно почувствовал, что совершенно не знаю, *кто* такой в действительности Раданда. Не отдавая себе отчёта, можно ли так запросто говорить с ним, я по-мальчишески прямо заявил:

– Представляю себе, в каком жалком положении, гораздо более жалком, чем когда меня трепал Эта, оказался бы я, если бы кто-либо приказал мне описать вашу Общину и, главное, вас.

Раданда улыбнулся, положил мне свою крохотную ручку на голову и близко заглянул мне в глаза.

– Велик и далёк твой путь, дитя моё. Сейчас ты ещё дитя, и то уже многое можешь. Но будет время, и не обо мне, а о многом большом напишешь. Теперь же иди спать. Завтра я сам пойду с тобою по колонии Дартана. Там многому научишься и многое-многое из векового

страдания людей прочтёшь. Не жди Иллофиллиона, ложись спать. Мы с ним обойдём ещё кое-кого, кто в эту ночь нуждается в утешении.

Раданда перекрестил меня. Мне стало необычно легко и радостно. Я, точно в сказке, всё забыл и, взяв Эту на руки, пошёл к себе. Как я был благодарен Раданде! И с другой стороны, как я понимал свою детскость! Ещё и ещё раз я увидел, как устойчива должна быть гармония в человеке, чтобы он *мог* чего-либо достичь в жизни и реальных делах, и какое мужество должна нести в себе духовная сила мужчины.

Уложив спать Эту, я благословил всё живое во Вселенной, благословил милосердие моих наставников и лёг на свою полотняную постель, впервые ясно сознавая, что стою на рубеже, ведущем от детства и юности к зрелой молодости.

Ночь минула быстро. Я проснулся от гудения колокола и толчков Эты. На этот раз я уже ясно и твёрдо осознавал, где я нахожусь и кто и что меня окружает. Первым, что бросилось мне в глаза, была записка Иллофиллиона, лежавшая на стуле рядом со мной.

«Как только встанешь и приведёшь себя в порядок, приходи в покои Раданды возле трапезной. Эту оставь у Мулги. Раньше чем уйдёшь из дома, зайди к Андреевой и передай ей, что я поручаю ей на сегодняшний день Бронского, Игоро и Герду. Пусть до самого ужина проведёт с ними день и распределит в нём занятия всем, как сама найдёт нужным».

Записка Иллофиллиона окрылила меня. Быстро справившись с делами, я полетел в покои Раданды. По дороге я несколько раз возвращался мыслью к Наталии Владимировне и не мог разгадать, почему, когда я передавал ей поручение Иллофиллиона, она пристально вгляделась в меня и сказала: «Счастливцев, Лёвушка!» Мысли мои перескочили с неё на её близкого и неразлучного друга в Общине Али – Ольденкотта. Только сейчас я сообразил, что я его нигде не видел с самого въезда в Общину Раданды, что он не жил в нашем доме, не бывал с нами в трапезной и что я о нём ничего не слышал все эти дни. Я решил немедленно же спросить у Иллофиллиона об этом милом и чудесном добряке, но, пока шёл, поостыл в своём решении, вспомнив, что любопытство во мне не может порадовать Иллофиллиона. Должно быть, для Ольденкотта, как и для Зейхеда, которого я тоже не видел в Общине, предназначался особый путь уединения. Весь под впечатлением этих мыслей, я сдал Мулге Эту, что было принято обоими новыми друзьями более чем благосклонно, и постучался в дверь Раданды. Он сам открыл мне и, лукаво оглядывая меня с ног до головы, сказал:

– Беги скорее в душ, пока Иллофиллион тебя не видел. Где это ты так запылелся, точно по пустыне бежал?

Я посмотрел на свои сандалии, которые так недавно усердно чистил и завязывал, пере-конфузился и даже расстроился: и сандалии, и весь подол одежды – всё было серым от пыли. Увлечённый размышлениями и жадой поскорее увидеться с Иллофиллионом, я забыл об осторожности и лёгкости походки. Извинившись перед Радандой, я помчался в душ. Тут уж я сам прочёл себе предлинную нотацию и наконец очутился в приличном виде перед Иллофиллионом. Мой снисходительнейший наставник ни единым словом не дал мне понять, что знает о моей неловкости, не укорил за опоздание, но ласково со мной поздоровался.

– Пройди, Лёвушка, на балкон, там тебя ждёт завтрак. Кушай не спеша и вернись сюда. Ты пойдёшь с Радандой, как он тебе обещал, по сектору Дартана. С ним же вернёшься обратно и поедешь со мной навстречу возвращающемуся Яссе.

Навстречу дорогому, любимому Яссе! Тут я понял, почему сказала мне Андреева: «Счастливцев, Лёвушка!» Да, действительно, я был счастливцем. Двери моего сердца широко раскрылись не только для Яссы, который – я был убеждён – возвращался победителем, но и для всего мира, точно вместившегося во мне. Мне открылось, как глубоко надо проникать в сознание встречного человека. Я ощутил живыми и действенными вечерние слова Раданды о том, что писатель должен уметь не только поставить себя в жизненные обстоятельства человека и выразить это в словах, но и *оправдать* каждого, понимая это слово не как оно обычно пони-

мается в быту, но как чистое сердце может воспринять вечный путь ближнего. Я шёл, и радость пела во мне, хотя я отлично понимал: того, что я достиг сегодня, завтра будет уже мало. Всё же я был счастлив, не мог не улыбаться, и все, кто встречался мне, отвечали мне улыбками.

«Путь радости – путь счастливых избранных», – вспомнил я слова Иллофиллиона. И впервые оценил своё величайшее счастье, *осознал* на опыте дня, что иду путём творческой радости, внутри меня живущей.

Я быстро покончил с завтраком, и это казалось мне сегодня скучной необходимостью. Я возвратился к Иллофиллиону, где меня уже ждал Раданда с посохом в руках. Когда мы вышли из дома и оказались на ярком солнечном свете, я в первый раз имел возможность рассмотреть лицо настоятеля более внимательно. Я увидел, что старость Раданды, которая так поразила меня в момент первой встречи с ним, выражалась не в морщинах, а в какой-то особенной серьёзной мудрости. Кожа его была гладкая, тёмная, как древний пергамент. Добрые ясные глаза светились, как лампы. И цвет их всё время менялся от голубого к фиолетовому. Осанка его фигуры, как всегда окружённой светящимся радужным шаром, была прямой, и я теперь не понимал, почему Раданда в первую минуту встречи и в трапезной показался мне таким древним старцем. И вместе с тем я и сейчас воспринимал его необычайно древним, точно он жил уже века.

– Не углубляйся в преждевременные вопросы, друг. Думай только о поручении Дартана. Оно составляет твоё главнейшее «сейчас», – как всегда, ответил на мои невысказанные вопросы Раданда и неожиданно для меня свернул в тенистую аллею.

Голос его звучал добротой, в его тоне не было строгости, но всё же в нём чувствовалась такая огромная серьёзность, что это сразу напомнило мне, к какой священной и ответственной задаче я готовился приступить. Лицо Раданды, когда он посмотрел на меня, было похоже на лик одного из святых, которых русские живописцы так любят изображать со светящимися нимбами. Из его глаз, лба, горла точно выскакивали искры рубинового цвета и кололи меня, как маленькие электрические разряды. Сначала они только кололи меня, но через несколько минут я стал чувствовать такую бодрость и радость, такая сила умиротворённости проникла в меня, что я невольно прильнул к Раданде и поцеловал его сухонькую ручку. Он ответил мне пожатием и притянул к себе.

– Мы с тобой подходим к часовне Радости, дружок. Её происхождение очень, очень древнее. По преданиям, она была возведена Божественными силами в незапамятные времена. Это было тогда, когда пустыня была морем, а место, где теперь находится Община, – островом. В противоположном конце, за скитом уединённых, есть вторая столь же древняя часовня – часовня Скорби, или часовня печальных. Когда созреешь и окрепнешь духом, чтобы нести утешение печальным и плачущим, мы с тобой посетим и ту часовню.

На этот же раз мы припадём к стопам дивной статуи Великой Матери, высеченной из никому не ведомого камня. Говорят, что она высечена из белого коралла, но я знаю, что не так называется этот материал. Ты сам увидишь, что сияние статуи, её пропорциональность и красота, все линии, создающие одно гармоничное целое, не могли быть созданы рукой обычного ваятеля. Скульптор обладал не только гениальным художественным даром, но и дух его должен был гореть огнём Вечного. Сотворивший её не знал ни единого мгновения угасания Радости, иначе он не мог бы создать подобной красоты. Надо было носить её в себе, чистую, неомрачаемую Радость, чтобы каждое сознание, преклоняющееся в чистоте перед этим отражением его духа, его живого *Единого*, укреплялось и собиралось в непобедимую *силу Радости*. Сама Жизнь одухотворяла ваятеля и одухотворяет до сих пор его произведение. Преклоняясь перед хранимым здесь изображением Великой Матери, которую мы зовём Звучащей Радостью, надо *самому звучать всей полнотой* счастья жить, всей верностью заветам своего Учителя, чтобы *слиться* с той силой, что изливает Великая Мать на каждого склоняющегося пред *Нею* в своей полной гармонии.

Я связал тебя с моей аурой и передавал тебе искры моей Любви, чтобы ты мог войти в часовню, неся в сердце песнь торжествующей Любви. Возьми мою руку. Слейся с моим Единым. Проси Великую Мать помочь тебе посвятить всю силу твоей преданности чудесному делу служения *Жизни* в форме современного тебе человечества, как писателю – слуге своего народа. Склоняясь, благодари, благословляй Величие, давшее тебе частицу своего гения. Проси Мать принять под свою защиту твой дар, чтобы никогда сомнение или колебание не овладели тобой. Возноси *Ей* хвалу и проси лёгкости твоей мысли, силы твоему слову, образности твоей фразе, мощи твоей проникновенной фантазии – той творческой фантазии, которая черпает своё начало в интуиции, но не в эмоциях чувственности. Проси понимания того, *где* лежит путь к Вечному в *каждом* и как в каждом *оправдать* его топкое болото слёз и страстей. И тогда ты найдёшь путь *писать просто*.

Раданда взял меня за руку и свернул на маленькую, еле заметную тропочку, ведущую в густые заросли искривлённых кустарникообразных деревьев, никогда мною не виданных. Без него я и не разглядел бы эту тропинку. Она извивалась, и много раз мне казалось, что она упирается прямо в стену густого высоченного кустарника. Но каждый раз Раданда находил узенький, едва заметный проход. Сделав много поворотов в этом лабиринте, мы вышли на небольшую площадку, где полукругом росли мощные кедры, и в самом их центре стояла часовня.

Как описать мне это дивное зрелище? На тёмном фоне кедров, под синим небом, под знойным, сверкающим южным солнцем, высоко над белой, резной, как тончайшее кружево, лестницей стояла такая же белая, лёгкая – казалось, дуновения ветра довольно, чтобы унести её с места, – часовня. И внутри её высилась статуя, изображавшая женщину, на прекрасную голову и плечи которой ниспадало розовое покрывало.

Я стоял как зачарованный, не в силах оторвать глаз от дивного зрелища. Руки статуи, божественно прекрасные, были полны цветов самой разнообразной окраски, что делало их ещё более похожими на живые. Вся статуя, её покрывало, цветы – всё переливалось разноцветными светящимися бликами, дрожавшими под солнечным сиянием, мягкими, как краски венецианского стекла. У меня была полная иллюзия, что статуя вырезана из гигантских жемчужин белого и розового цвета.

– Собери силы духа, сбрось с глаз телесные покровы, друг, и неси славословие Жизни. Путь красоты и единения в ней может нести тот, кто соединит *свою* чистоту и Радость с этой сияющей Живой Красотой.

Раданда оставил посох и сандалии внизу у лестницы. Я последовал его примеру, снял сандалии и вынул из кармана сумку с письмами. Раданда снова дал мне руку, и мы стали подниматься по восхитительным кружевным ступеням. По первым ступеням лестницы я шёл легко. Они казались мне даже прохладными. Но чем выше мы поднимались, тем тяжелее мне было идти. Сердце моё билось, точно молотом стучало в висках. Ступени жгли мне ноги, как раскалённый песок пустыни. По всему моему телу пробегала дрожь. Пот катился ручьями по лицу. И чем выше мы шли, тем всё сильнее были мои мучения. Но я крепко держал руку моего милосердного водителя, и теперь она казалась мне железной по своей силе и передавала прохладу в моё словно охваченное огнём тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.